Архимандрит АВГУСТИН (Никитин),
доцент Санкт-Петербургской Духовной Академии

АФОН
И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ*

(Обзор церковно-литературных связей)

ВВЕДЕНИЕ

В 1963 году весь православный мир торжественно праздновал 1000-летие Афона, а в 1988 году Русская Православная Церковь отметила другое выдающееся событие – 1000-летие Крещения Руси (988–1988 гг.). Эти два юбилея разделяет временной интервал в четверть века, но если смотреть на оба события в исторической ретроспективе, то можно считать, что они произошли в одно время. И если далее рассматривать оба процесса в историческом аспекте: христианизацию Афона и Руси, то можно отметить, что между Святой Горой и Русью издревле начали устанавливаться связи, которые оказывали взаимное влияние на развитие духовной культуры, и этот процесс, несмотря на имевшиеся в прошлом трудности, не прекращается и до сегодняшнего дня.

Важное значение Афона в истории духовной жизни Православных Церквей неоспоримо и не нуждается в каких-либо особых доказательствах. Начиная с эпохи средневековья и по настоящее время Святая Гора славится строгим аскетизмом своих насельников, которые ведут здесь жизнь полную трудов и молитв. Афонские монастыри и скиты издавна привлекали к себе массы паломников из многих стран мира. Известно, что святогорские монахи в число своих послушаний включали изучение духовной литературы и постоянно переписывали рукописи религиозного, философского и исторического содержания. Афонская гора дала православному миру многих известных богословов и иерархов, которые впоследствии осуществляли духовно-просветительскую деятельность в тех странах, где им довелось служить на ниве Христовой.

Книгохранилища афонских монастырей на протяжении нескольких столетий являлись неоскудевающим источником для многих представителей Православных Церквей – богословов, историков, языковедов, палеографов и других ученых. «Для таких исследователей Святая Гора священна своими историческими, часто единственными в своем роде реликвиями, – писал в начале нашего столетия отечественный исследователь Г. А. Ильинский. – Работники всевозможных специальностей находили, находят и будут нахо-

---

* Редколлегия "Богословских Трудов" считает необходимым упомянуть об аналогичной по названию работе архимандрита Иннокентия (Просвирнина) "Афон и Русская Церковь", опубликованной в ЖМП № 3–6 за 1974 год.

дить в них огромное и во многих отношениях еще девственное поле для своих изысканий. Будет ли это лингвист, он найдет здесь памятники языка глубокой древности с весьма важными и интересными чертами фонетики и морфологии; будет ли это классик, он найдет здесь весьма ценные списки произведений византийской литературы, он на каждом шагу может брать здесь полными пригоршнями нужный ему материал; будет ли он палеограф, он всегда встретит здесь первостепенные памятники рукописные, нередко притом единственные в своем роде; будет ли он археолог или историк искусства, он найдет тут великолепные образцы византийской архитектуры, живописи, некоторых художественных изделий и пр.; будет ли он историк культуры, к его услугам явятся на Афоне целые горы еще неизданных документов и грамот на греческом, латинском, славянском и других языках»[1]. Исключительная ценность афонских рукописей давно была отмечена европейскими специалистами и, в частности, русскими исследователями. Ученые-паломники, прибывавшие на Афон из России, посещали библиотеки святогорских монастырей и по мере возможностей составляли либо краткие, либо более подробные описания увиденных ими древних манускриптов. Благодаря трудам Василия Григоровича-Барского (XVIII в.), преосвященного Порфирия (Успенского), профессора В. И. Григоровича, архимандрита Антонина (Капустина), П. И. Севастьянова (XIX в.) и многих других, перед современными исследователями уже достаточно полно раскрыты сокровища славянской и византийской письменности.

С середины XIX – начала XX вв. начались особенно активные исследования по выявлению рукописного наследия Святой Горы, в результате чего многие памятники древней письменности, открытые на Афоне, получили мировую известность. Но предстоит еще сделать многое, и особенно – для более полного выявления многовековых духовных связей Афона с Русской Православной Церковью. И для того, чтобы успешно продвигаться по этому пути, необходимо обобщить все то, что уже сделано в указанной области нашими предшественниками.

Обзору тех исторических сведений, которые выявляют наличие тесных духовных связей Афона и Русской Православной Церкви на протяжении почти целого тысячелетия, и посвящена настоящая статья.

Богатство письменных памятников всякого рода, изданных и неизданных, связанных с Афоном и Россией, так же как и значительное количество исследований, посвященных монашеской республике, заслуживает подробного изучения в связи с вопросом о роли Афона в истории Русской Православной Церкви[2]. Но поскольку это можно сделать при рассмотрении истории каждого святогорского монастыря в отдельности, сначала следует ограничиться изложением только самых общих данных о книжных связях Афона с Россией.

АФОН И КИЕВСКАЯ РУСЬ

Местоположение Киева, города, связанного с Крещением русского народа, определялось летописцем следующими словами: «Был путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру, а в верховьях Днепра – волок до Ловоти, а по Ловоти можно войти в Ильмень, озеро великое; из этого же озера вытекает Волхов и впадает в озеро великое Нево, и устье того озера впадает в море Варяжское. И по тому морю можно плыть до Рима, а от Рима можно плыть по тому же морю к Царьграду, а от Царьграда можно приплыть в Понт море, в которое впадает

Днепр река» («Повесть временных лет»)[3]. Путь «из Варяг в Греки» связывал Киев с Константинополем; по этому пути шли и первые русские паломники, направлявшиеся на Святую Гору.

Первые связи русских христиан со святогорскими обителями начались с их паломничества на Афон, куда их устремляло желание утолить жажду благочестия, взращенную в новопросвещенном народе проповедью слова Божия. Увлекаемый этим желанием, на Афон отправился житель Любича по имени Антипа. Он достиг Святой Горы, отрекся от соблазнов мира, принял имя Антония и получил первые наставления от афонских старцев. После того как Антоний достаточно окреп в иноческом подвиге, святогорцы велели ему возвратиться на Русь и там насаждать иночество. Прибыв в Киев в 1013 году, Антоний стал искать место, напоминающее Афон, и после долгих поисков выкопал себе пещеру в Берестовой горе. Так был основан Киево-Печерский монастырь при князе Ярославе Мудром (1019–1054), и преподобный Антоний удостоился утешения видеть закладку обители. Скончался преподобный Антоний в 1073 году на 90-м году жизни[4].

Сообщение летописи под 1037 годом, что князь Ярослав «и книги любил, читая их часто и ночью, и днем. И собрал писцов многих и переводили они с греческого на славянский язык. И написали они книг множество»[5], указывает на возникновение своего рода скриптория при дворе Ярослава, где в большом количестве переводились и переписывались книги. Таким местом создания книг и центром просвещения был в то время и Киево-Печерский монастырь.

В Киево-Печерском монастыре еще при жизни преподобного Антония были греческие книги. В Киево-Печерском Патерике (XIII в.) – в «Слове о пришествии писцев церковных (живописцев. – *Авт.*) к игумену Никону от Царя-града» – в подтверждении того, что они «живот свой скончашася в Печерском монастыри... во мнишеском житии», говорится: «Суть же и ныне свиты их на полатах и книгы их греческия блюдомы в память таковаго чудеси»[6].

В эти годы для русских иноков по-прежнему образцом духовной жизни была Афонская Гора. В конце XI века при византийском императоре Алексее I Комнине (1081–1118) в распоряжение русских иноков был отдан монастырь Ксилургу. В XI веке русское иночество на Афоне было уже весьма значительно и имело самостоятельное устройство. Это видно из того, что в XII веке по причине многочисленности русским монахам разрешено было перейти из Ксилургу в монастырь святого Пантелеимона, причем и Ксилургу оставался в их распоряжении в виде скита[7]. Русский исследователь XIX века архимандрит Порфирий (Успенский) высказал в связи с этим интересное предположение, относящееся к афоно-русским церковным отношениям. «В рукописном «Сказании о Святой Горе Афонстей» 1561 года описан в Ксилургу соборный храм во имя Успения Богородицы, – писал архимандрит Порфирий. – Не потому ли и Киево-Печерская Лавра посвящена Успению?»[8]

Киево-Печерский монастырь продоложал развивать духовные связи с Афоном при преподобном Феодосии, который был игуменом этой обители в 1142—1156 гг. Преподобный Феодосий ввел в монастыре Студийский устав[9], по которому монахам вменялось в обязанность переписывание книг. Студийский устав предполагал грамотность монахов. 26-я глава Устава предписывала иметь в монастырях библиотеки. Для хранения книг рекомендовалось выделить специального послушника. «Должно знать, что в те дни, в которые мы свобод-

ны от телесных дел, ударяет книгохранитель однажды в дерево и собираются братия в книгохранительную комнату и берет каждый книгу и читает ее до вечера. Перед клепанием же к светильничному ударяет опять однажды книжный приставник и все приходят и возвращают книги по записи, кто же умедлит возвратить книгу, да подвергнется епитимии»[10].

В начале XIII века Досифей, игумен Киево-Печерской обители († 1219), совершил паломничество на Афон, откуда принес чин о пении псалмов, печатаемый при Псалтири[11]. Известно также описание правил Святой Горы, принесенное им с Афона. Оно сохранилось в поздних сборниках – XV и XVI вв. Здесь содержится описание главным образом богослужебных порядков на Афоне.

В том же XIII веке галичские князья Даниил и Василько пригласили с Афона иноков Иоасафа и Василия, которые занимали святительские кафедры на Руси[12].

Когда речь идет о влиянии афонского литературного наследия на русскую духовную культуру, необходимо не упускать из вида и обратный процесс. Надо учитывать и то обстоятельство, что на Афоне в те времена жило много славян; поэтому неудивительно, что в 1264 году сербский монах Домециан, живший на Афоне, использовал для своего труда сочинение «Слово о законе и благодати» митрополита Киевского Илариона, русского по происхождению (митрополит с 1051 года)[13].

АФОН И СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ РУСЬ

Дальнейшая история афоно-русских литературных связей проходила на фоне двух важных политических событий, совершившихся почти в одно время на Руси и на Балканах. На Руси начался процесс возрождения церковно-литературной письменности в годы пробуждения национального духа после победы над татарами в 1380 году. Позднее, в 1389 году произошло решающее сражение турок и сербов на Косовом поле, завершившееся поражением сербских войск. Сербия и Болгария за короткое время были оккупированы захватчиками и как самостоятельные государства перестали существовать. Именно с этого времени началась массовая эмиграция южных славян. Один поток беженцев хлынул на запад, но две другие волны двинулись в иных направлениях: одна – на Афон и в Константинополь, а другая – в Россию.

Особенно интенсивным было сотрудничество русских и южно-славянских церковных деятелей в области книгописания. На рубеже XIV–XV вв. оно достигло необычайного масштаба.

В конце XIV века поток южно-славянских беженцев в Россию шел в основном через славянские монастыри Афона и Константинополя. Это в немалой степени и определило ту силу церковно-литературного влияния Святой Горы, объектом которого сделались древнерусские города и обители.

Новгородские земли. Как известно, Великий Новгород в домонгольское время и долгое время спустя был вторым по значению городом Руси. Кроме того, Новгород не претерпел испытаний монгольского нашествия, когда в огне пожарищ гибли многие сокровища русской культуры. Поэтому вполне понятно, что около половины всех сохранившихся рукописей XI–XIII вв. являются памятниками новгородской письменности[14]. К этому следует также добавить, что почти вся древнерусская литература дошла до наших дней в составе более поздних новгородских памятников.

Новгородские книжники добывали для своих книг тексты в других землях

Русского государства или же привозили их из-за рубежа. Новгородские паломники часто переписывали в монастырях Афона книги или приобретали их там. Существуют сведения, что в 1386 году на Афоне работали новгородцы Иван и Добрило, которые переписывали там книги[15]. А в 1397 году переписчики «Тактикона» Никона Черногорца «два калугера Яков да Пумин (Пимен. – *Авт.*)» отметили, что оригинал их книги «вынесл... из Святой Горы игумен Ларион того же монастыря»[16]. «Тактикон» Никона Черногорца с Афона вывез игумен новгородского Лисицкого монастыря Иларион. В 1397 году рукопись уже была в Новгороде, и два монаха, состоявшие в свите архиепископа Новгородского Иоанна, Иаков и Пимен, изготовили с нее список специально для Лисицкого монастыря.

«Тактикон» имел большое значение для русского богословия того времени, потому что содержал много отрывков, весьма значительных по объему, из творений отцов Церкви. Отсюда впоследствии почерпали свои богословские доводы преподобный Иосиф Волоколамский и преподобный Нил Сорский.

Паломники из новгородских земель в этот период времени, как было сказано, посещали Афон с целью усовершенствования в духовных подвигах. Но также и некоторые святогорцы приходили оттуда в Россию и активно насаждали здесь афонские традиции. В середине XIV века на Мурманский остров (Муч) Онежского озера прибыл с Афона старец Феодосий, поселившись там с константинопольским монахом Лазарем. Лазарь, родом из Константинополя, жил некоторое время в Новгороде и получил от новгородского посадника право на владение этим островом, тогда еще не населенным. К Феодосию и Лазарю впоследствии пришло много последователей и в том числе два инока из Киева. Лазарь в своем завещании отзывался о Феодосии как о подвижнике строгой жизни. «Феодосий, – говорил он, – старец Святой Горы, вел весьма добродетельную жизнь и носил на своем теле тяжелые вериги; он был опытен в книжной мудрости». Старец Феодосий содействовал устройству монастыря Богородицы Муромской. Вместе с ним подвизались здесь еще два грека – Елеазар и Назарий[17].

На Афоне прожил три года преподобный Арсений, постриженик Лисицкой обители, долго странствовавший по северу России и живший на Валааме. Он основал скит на Коневском острове Ладожского озера, в 1398 году там была уже обитель, насельники которой жили по афонскому общежительному уставу[18].

Тверское княжество. Наряду с Новгородом тесные связи с Афоном имело и Тверское княжество. В начале XIV века Тверь с окрестностями насчитывала не менее 5 монастырей, а в Москве достоверно известно только о двух; первые тверские известия о появлении здесь образованных греков относятся к 1317 и 1323 гг., а в Москве они появились в 1344 году. Подобные примеры свидетельствуют об историческом старшинстве Тверского княжества[19].

Из русских монахов, внесших свой вклад в развитие афоно-русских связей, можно отметить тверского игумена Савву, основавшего в 1397 году Вишерский монастырь. Преподобный Савва Вишерский, побывавший на Афоне, вынес со Святой Горы «Правила», которыми впоследствии воспользовался для составления своей «Кормчей» Вассиан Патрикеев[20]. Известно, что инок-князь Вассиан был противником монастырского землевладения. В борьбе с иосифлянами, защитниками монастырских вотчин, Вассиан испросил разрешения у митрополита Варлаама на составление новой Кормчей книги. Для этого он воспользовал-

ся списками Кормчей Симоновского монастыря и Кормчей сербской редакции, вывезенной с Афона тверским игуменом Саввой.

В 1432 году в Лавре святого Афанасия Афонского жил и работал монах Авраамий Русин, трудившийся там над перепиской нескольких житий святых, привезенных им впоследствии в Тверь в Саввино-Сретенский монастырь, причем в записи о вкладе он пишет, что сделал это при «книголюбивом Савве игумени» в 1437 году[21].

Следует отметить, что в первой половине XIV века новгородские и тверские княжества играли существенную роль в истории афоно-русских связей. В то время как большинство афонских рукописей поступало в новгородские и тверские монастыри, почти все константинопольские рукописи шли в Москву или в подмосковные монастыри. По мнению отечественного исследователя «ориентация Москвы на Константинополь получалась естественно, поскольку великие московские князья, стремившиеся взять на себя руководящую роль в политической и культурной жизни всей Северо-Восточной Руси, в международных отношениях логикой вещей вынуждены были искать и поддерживать контакты с аналогичными, главными политическими и культурными центрами»[22].

Свято-Троицкая Сергиева Лавра. Этой обители, являющейся ныне духовным центром Русской Православной Церкви, принадлежит особая роль в истории афоно-русских отношений. Именно Троице-Сергиев монастырь стал центром исихазма на Руси – учения, которое проникло на Русь почти сразу же за распространением его на Балканах, еще при митрополите Феогносте, обрусевшем греке (1328–1353). Центром безмолвия, созерцания и новых мистических настроений стал Троице-Сергиев монастырь, основатель которого – Преподобный Сергий Радонежский (1314–1392) «Божественныя сладости безмолвиа вкусив»[23]. Из этого монастыря вышел главный представитель нового религиозного направления – преподобный Епифаний Премудрый.

Преподобный Епифаний, духовник Троице-Сергиева монастыря, автор жития Преподобного Сергия Радонежского, во второй половине XIV века побывал на Афоне, и по его возвращении со Святой Горы в Троице-Сергиеву обитель началась активная деятельность переписчиков, пополнявших монастырскую библиотеку творениями святых отцов Церкви. В то время среди московских и подмосковных монастырей уже выделялся своей библиотекой Троице-Сергиев монастырь, где поселились многие южнославянские книжники. Поэтому не случайным является нахождение южно-славянских рукописных книг в этой библиотеке.

При ознакомлении с описаниями славянских рукописных собраний бросается в глаза, что большинство сборников, начиная с середины XIV века и XV века, содержат труды преподобного Исаака Сирина, преподобного Аввы Дорофея, преподобного Симеона Нового Богослова, преподобного Иоанна Лествичника, преподобного Филофея Синаита, преподобного Петра Дамаскина, преподобного Григория Синаита, то есть сочинений, содержащих идеи исихазма в их практической форме. Сочинения многих из этих писателей были известны в русской письменности и ранее, но в полном объеме они стали переходить на Русь в XIV–XV вв.[24].

Интересно отметить, что еще около ста лет тому назад предполагалось само собой разумеющимся, что любое произведение древнерусской, древнеболгарской или древнесербской литературы, если только оно выходит за пределы ме-

стной тематики, обязательно должно восходить к какому-либо, может быть, не дошедшему до нас византийскому оригиналу. Очень показательно в этом отношении, например, замечание Ф. М. Достоевского, который в «Братьях Карамазовых» устами Ивана Карамазова во вступлении к «Легенде о Великом Инквизиторе» говорит так: «У нас по монастырям занимались тоже переводами, списыванием и даже сочинением таких поэм, да еще когда – в татарщину. Есть, например, одна монастырская поэмка, конечно, с греческого (*разрядка авт.*) – «Хождение Богородицы по мукам», с картинками и со смелостью не ниже дантовских»[25].

В начале XV века паломничество русских людей на Святую Гору продолжалось. Одним из них был иеродиакон Троице-Сергиева монастыря Зосима, который побывал там в 1420 году. Книги, привозившиеся в те годы в Троице-Сергиеву обитель с Афона, иногда дополнялись русскими сочинениями. Так, например, в выходной записи одного патристического сборника сказано, что его оригинал был создан на Афоне в 1431 году Афанасием Русином. Далее сообщается, что данный список был сделан игуменом подмосковного Николо-Угрешского монастыря Ионой повелением игумена Зиновия, управлявшего Троице-Сергиевым монастырем в 1432–1443 гг. И, вероятно, согласно воле заказчика, а может быть, по инициативе книгописца в сборник было переписано Житие Преподобного Сергия Радонежского.

К числу святогорцев, трудившихся на Руси в середине XV века, принадлежит знаменитый ученый-книжник Пахомий Серб. Он прибыл с Афона в Москву в 1440 году и обосновался в Троице-Сергиевой обители. Его литературные труды и путешествия связали воедино древние центры церковной книжности – Новгород, Троице-Сергиев и Кирилло-Белозерский монастыри.

Не подлежит сомнению, что в Кирилло-Белозерском монастыре имелись некоторые книги, написанные рукой Пахомия Серба. Такова Минея Кирилло-Белозерской библиотеки XV века (№ 1258, без начала), в которой в конце похвального слова празднику Покрова Божией Матери имеется собственноручная подпись Пахомия: «смереннаго иермонаха Пахом иж от стыя горы», и той же рукой писано 13 листов, а на 9-м листе киноварью написано: «сие блгдрное гранесловие покрову написа повелением и блвнием прошинаг архиепа великаг новоград и пскопа влдкы Ионы рукою грешнаг ермонах иж от стыя горы сербина»[26].

За время своего пребывания на Руси иеромонах Пахомий в 15 канонах и нескольких житиях прославил память многих святых Русской Церкви[27].

Кирилло-Белозерский монастырь. При анализе афоно-русских литературных связей для большей наглядности повествование разграничено на разделы применительно к наиболее известным центрам русских княжеств. Насколько условно это деление, можно убедиться при рассмотрении одного из рукописных памятников Киевской Руси – «Изборника» Святослава (1073), получившего широкое распространение в XI–XV вв. Его оригинал, попавший в XIV веке на территорию Северо-Восточной Руси, в следующем столетии переписывался выборочно вместе с выписками из других литературных памятников. В результате получились по меньшей мере три его редакции. При этом один список, хранившийся в Кирилло-Белозерском монастыре, восходит не к «Изборнику» Святослава, а к его оригиналу – «Изборнику» болгарского царя Симеона. Об этом свидетельствует переписанная в нем «Похвала» заказчику – болгарскому царю Симеону, без упоминания русского князя Святослава. По мнению современного исследователя, «в данном случае отразилась международная миграция книги: русские

люди путешествовали на Афон – в те времена общеславянский книжный центр, где еще в XIII веке бытовали списки «Изборника» Симеона»[28].

С Кирилло-Белозерским монастырем связано имя преподобного Нила Сорского († 1508). Он родом был русский. Жил сначала в Кирилло-Белозерском монастыре, потом предпринял путешествие по Востоку вместе со своим учеником Иннокентием, долгое время жил на Афоне. В это время он познакомился с творениями представителей исихазма: преподобных Исихия Иерусалимского, Исаака Сирина, Варсонофия, Иоанна Лествичника, Симеона Нового Богослова, Петра Дамаскина, Григория, Нила и Филофея Синайских и других отцов. Но ему было недостаточно знать об этих подвижниках только по рукописям, он и сам последовал опыту своих наставников. Возвратившись на родину в 1490 году, он построил себе келью на реке Сора; здесь он продолжал изучать писания исихастов, в то же время устрояя по ним свою жизнь. Разделяя их идеи со своими учениками, преподобный Нил Сорский передал им извлеченные из святоотеческих писаний и из собственного опыта правила духовной жизни. Это «Предание ученикам о скитской жизни» представляет собой свод мнений отцов и учителей Церкви, но общая идея и систематизация принадлежит преподобному Нилу Сорскому. В своем труде преподобный Нил чаще всего ссылается на преподобного Григория Синаита (XIV в.), который «в приличное время возраста был хорошо образован во внешнем любомудрии» и «был весьма искусен в каллиграфии», которая составляла одно из важнейших занятий монахов в средние века, благодаря чему сохранились многие творения святых отцов[29]. Составляя устав скитской жини, преподобный Нил Сорский ссылался на личное изучение им устава в афонских монастырях. «... Якоже и самовидцы быхом во Святей Горе Афонстей и в странах Царяграда», – писал преподобный Нил Сорский[30]. И если преподобного Антония Печерского называют основоположником иночества на Руси, то преподобного Нила по праву можно назвать зачинателем скитского подвижничества, введенного им на Руси по примеру афонских пустынников.

Москва – «третий Рим». Освобождение Руси от татаро-монгольского ига (1380) облегчило поездки афонских подвижников в Москву. В княжение святого благоверного князя Димитрия Донского (1359–1389) в Москву прибыл святогорский инок Дионисий. Получив от Великого князя Кубенский Спасокаменский монастырь, он строгой жизнью привлек к себе множество иноков; ввел в своей обители устав Святой Горы, украсил церковь иконами и библиотеку – книгами. Из его обители вышли потом основатели новых монастырей: преподобные Дионисий Глушицкий, Александр Куштский. Во время правления Великого князя Василия Димитриевича (1389–1425) Дионисий был возведен на Ростовскую кафедру, которую и занимал около 7 лет (1418–1425)[31].

Знаменательно, что с кончиной Дионисия русско-афонские связи не были прерваны, именно в год его кончины был осуществлен перевод с греческого на русский язык «Постнического слова» преподобного Максима Грека. Эта рукопись долгое время хранилась в библиотеке Иосифо-Волоколамского монастыря[32]. Третья глава рукописи (лл. 41–70) носила навание «По вопросу и ответу постническому слово святого Максима». В конце статьи (л. 70) была запись: «Переведено от греческого яыка на русский в святей горе Афонстей в лето 6933 (1425) кир Иаковом доброписцем, убогому Евсевию»[33].

В этот же период появлявились на Руси южнославянские выходцы, оставив-

шие значительный след в ее культурном развитии, – митрополит Киприан, Григорий Цамблак и другие церковные деятели, имевшие отношение как к Афону, так и к России.

Митрополит Киприан (†1406), болгарин или серб по происхождению, долгое время жил в Константинополе и на Афоне, где в общей сложности он провел около 10 лет (1363–1373). В 1390 году он занял московскую митрополичью кафедру, и с этого года в течение 16 лет митрополит Киприан стоял во главе Русской Православной Церкви. На престоле митрополита он всячески развивал местное книгописание, причем по его личной инициативе библиотеки московских монастырей стали усиленно пополняться текстами южнославянского происхождения и подлинными южнославянскими рукописями.

Любя заниматься книгами, митрополит Киприан мог вывезти с собой из Болгарии и Сербии плоды духовной образованности и таким образом сохранить их от уничтожения. В самом Константинополе, где он пробыл довольно долгое время, Киприан занимался в Студийской обители переписыванием церковных книг, зная по своему первому пребыванию в Москве, что именно там имелось из книжных трудов и чего недоставало. Он мог привезти в Москву переводы неизвестных до того времени творений святых отцов; хорошо ознакомившись с обычаями Константинопольской Церкви, которую тогдашние патриархи Исидор, Филофей и Нил обогатили новыми своими творениями, смог ввести в Церкви Русской некоторые новые чинопоследования или привести в соответствие с греческими прежние[34].

Так как авторитет митрополита Киприана по части книжного учения на Руси был очень высок, то русские писцы в своей книгописной практике охотно пользовались его собственными рукописями как образцами. Об этом, например, свидетельствует тверской список 1402 года с его «Лествицы» (БАН, собр. Н. В. Тимофеева, № 9). В послесловии к ней сказано, что она списана с оригинала, принадлежавшего митрополиту Киприану, и что с этой целью оригинал специально доставляли из Москвы в Тверь[35].

Заслугой митрополита Киприана является и то, что он, используя свое духовное влияние, способствовал замене неисправных богослужебных книг, бывших тогда в употреблении, исправными, недавно перенесенными в Москву от южных славян. Во всяком случае, его современники охотно делали списки с принадлежавших митрополиту Киприану богослужебных текстов и хвалили его за заботы об «исправлении книжном»[36].

О том, как митрополит Киприан относился к книгописанию, известно из его собственных слов: «аще иже кто восхощет сия книги переписывати, сматряй не приложити или отложити едино некое слово или точку едину или крючки иже суть под строками в рядех; ниже пременити слогню некоторую; или приложити от обычных или паки отложити»[37].

В 1453 году пала столица Византийской империи – «второй Рим», как называли Константинополь. В этот же исторический период на Руси продолжался процесс возвышения Московского княжества. И хотя по-прежнему еще некоторое время Константинополь оставался оживленным средоточием культурного межславянского общения, в XIV-XV вв. возросла и культурная роль Афона как посредника в сношениях балканского юга с Россией и Украиной. В Москву начались хождения афонских, болгарских и сербских монахов за милостыней. В числе приносимых ими подарков немалое место занимали рукописные книги,

высоко ценившиеся на Руси, поступавшие в книгохранилища монастырей и церквей и попадавшие в обиходный круг богослужебных книг.

АФОН И ЮГО-ЗАПАДНАЯ РУСЬ

Духовным центром украинских земель в это время по-прежнему была Киево-Печерская Лавра. Но не только эта обитель имела литературные связи с Афоном. Один из церковных древнеславянских памятников – «Супрасльская рукопись» указывает на существование тесных отношений святогорцев и с другой обителью Юго-Западной Руси. Судя по тому, что русские еще в XI веке постоянно общались на Афоне с болгарами и сербами, можно предположить, что эта рукопись была вывезена с Афона или самими монахами, часто приезжавшими в эти края за сбором пожертвований, или какими-либо паломниками. Относительно Супрасльской рукописи эта гипотеза находит фактическое подтверждение: как известно, она была найдена каноником М. К. Бобровским в 1823 году в Супрасльском Благовещенском монастыре (в 20 км от города Белостока). А исторически доказано, что этот монастырь был построен в конце XV века для монахов Святой Горы. Поэтому естественно предположить, что именно монахи привезли с собой драгоценную Минею[38].

К первой половине XV века относится церковно-литературная деятельность Григория Цамблака (1364–1419). Родом болгарин (или полуболгарин и полусерб) из Тырнова, он был митрополитом Киевским и Литовским с 1415 года и до самой смерти. До своего приезда в Юго-Западную Русь Григорий жил на Афоне, в Сербии и в Молдавии, был большим ревнителем книжного дела и оставил о себе память рядом литературных трудов[39].

Литературное наследие митрополита Григория Цамблака изучено еще не в полном объеме. Его проповеди с XV века включались без имени автора в московские рукописные сборники, митрополит Макарий внес их в Четьи-Минеи под названием «Книга Г. Самвлака». Вот что писал в свое время архимандрит Порфирий (Успенский): «На Афоне отысканы мною проповеди киевских митрополитов, Льва и Григория Цамблаков, кои едва ли известны в России, о чем по обязанности корреспондента конференции Киевской Духовной Академии я сообщил ей»[40].

Другим киевским митрополитом, продолжившим развитие церковно-литературных связей с Афоном, был Петр Могила (†1647). Уже будучи Киевским митрополитом, он желал «славянороссийским языком православно и достоверно исправити и типом издати» жития святых и начал прилагать к этому «прилежное попечение». Ради этого он искал на юго-западе России книги, составленные «достовернейшим списателем житий святых Симеоном Метафрастом», и, не найдя их здесь, «посылаше до святой горы Афонской и оттуду испросил бе рукописные греческим диалектом таковых книги». Получив Четьи-Минеи Метафраста, митрополит Петр Могила «усердствовавше» перевести их и издать, «но в том богоугодном намерении кончина живота временнаго препятие сотворила есть»[41].

Мысль об издании Четьих-Миней, по-видимому, возникла у митрополита Петра Могилы довольно рано, но афонские рукописи он получил под конец жизни и, к сожалению, не успел осуществить свое намерение.

В истории афоно-русских литературных связей встречались случаи, когда творчество того или иного писателя в силу ряда обстоятельств протекало пол-

ностью или частично не на родине, а в среде близкого ему по языку, вере и культуре славянского народа. В настоящее время известно немного таких представителей культуры, но число их, как об этом свидетельствуют некоторые факты, было значительно больше. Одним из таких деятелей был Самуил Бакачич, работавший во второй половине XVII века на Афоне.

О Самуиле Бакачиче, как и о большинстве древнеславянских писателей, нет никаких биографических сведений. В различных приписках к рукописям он сам себя называет «русин», «русин родом», «от Руссии», «от Русские земли». Считается, что он украинец, о чем свидетельствуют некоторые особенности языка его рукописей. Литературная его деятельность протекала в основном на Афоне среди монахов-сербов. У них он научился сербскому языку, на который и перевел некоторые книги.

В названии одних своих рукописей Бакачич говорит, что переводит на «словенский езыкъ», а в названиях других дает уточнение – «отъ езыка грьчьскаго на сръбский». Некоторые свои рукописи Самуил Бакачич писал на русском языке, предназначая их для русских читателей. Русский исследователь А. И. Соболевский указывал, например, на одну такую русскую рукопись «Амартолон сотирия» («Спасение грешным»)[42]. Литературные труды Бакачича вошли в процесс развития культур трех братских народов – болгарского, русского и сербского. Более полная характеристика литературной деятельности Бакачича в настоящее время затруднена, так как все еще не изданы рукописи, рассеянные по разным книгохранилищам Белграда, Вены, Софии и других городов[43].

Самуил Бакачич перевел с греческого языка на сербский сборник поучений «Магнит духовный» (1690), сборник Агапия Критянина «Грешных спасение» (1685–1686), собрание поучений Дамаскина Студита «Сокровище»; с русского на сербский – полемическое сочинение украинского писателя Иоанникия Голятовского «Мессия Правдивый» (1669) и ряд других.

Как известно, полемика между защитниками Православия и представителями католичества особенно усилилась после заключения Брестской унии (1596). В той ситуации, в которой оказались православные богословы, было важно доказать непрерывный характер испокон веков сложившихся связей православной Украины с Византией и, в частности, с Афоном. Святогорские иноки и здесь стояли в первых рядах защитников Православия. Еще раньше члены «Общества Иисуса» открывали свои училища в Вильно, и проповедывали, и издавали книги в пользу унии, и своими действиями старались склонить православных к Риму. Для помощи в богословских спорах афонские иноки присылали православным свои переводы с греческих сочинений, в которых средневековые схоластические концепции католичества критически анализировались и опровергались.

Князь Андрей Курбский (1528–1583), с 1563 года живший в Литве, смог достать список одной из таких книг от поборника Православия князя Константина Острожского, который получил ее с Афона. «Как бы самою рукою Божией подана нам эта книга, – писал он к типографу Мамоничу. – Прочитай это письмо мое всему Собору Виленскому и мужам, стоящим в правоверии, пусть спишут эту книгу или у меня, или у Гарабурды (другой виленский типограф. – *Авт.*), которому также сообщил список князь Острожский, и пусть читают ее»[44]. Таким образом, эта книга быстро распространилась среди православных христиан. Она содержала сочинения Нила Кавасилы и святителя Григория Паламы, архиепископов Солунских (XIV в.), против учения о Филиокве.

Когда же Брестская уния все же была заключена, тогда для поддержки православных украинцев афонские иноки написали им особое послание, которое князь Константин Острожский признал достойным обнародования вместе с посланиями Патриарха Александрийского Мелетия. Без сомнения, в этой полемике принимали активное участие иноки Русского монастыря на Афоне. В надписи послания сказано: «От Святое Афонское горы скитствующих и о царствии Христове нудящихся, от страны вашее, вам поспешников и молитвенников»[45]. Не довольствуясь этим, три святогорских инока вступили в открытую полемику с униатами и иезуитами. Иоанн Вишенский написал обличительное послание к митрополиту Михаилу Рагозе и епископам, вместе с ним отступившим от Православия. Иноки Феодул и Христофор составили опровержение на книгу иезуита Петра Скарги, одного из главных деятелей унии. Христофор в своем ответе, в частности, опровергал то обвинение Скарги, будто греки по зависти скрыли от славянских народов сокровища своей учености, тогда как Церковь Римская везде основывала училища и занималась просвещением.

Усердие афонских старцев было принято православными украинцами с полной признательностью. И когда украинские пастыри в 1621 году держали совет о мерах к утверждению Православия, то специально постановили: «Послать на Святую Гору Афонскую, чтобы вызвать и привести преподобных мужей русских, в том числе блаженных Киприана и Иоанна, прозванием Вишенского, и прочих там находящихся, процветающих жизнью и богословием. Предстоит также духовная потребность, чтобы русских, искренно расположенных к добродетельной жизни, посылать на Афон, как в школу духовную»[46]. Из упомянутых здесь святогорцев, Киприан, уроженец Острожский, учившийся в Венеции и Падуе, был известен своими переводами толкований святителя Иоанна Златоуста на послания апостола Павла, предпринятым по просьбе княгини Чарторыйской, в то время, как другой афонский старец – Иосиф, проповедник и протосинкел Александрийского Патриархата, принимал участие в переводе толкования святителя Иоанна Златоуста на Деяния апостольские.

Помощь афонских обителей Православной Украине понадобилась и тогда, когда началось печатание церковных книг и необходимо было сличение своих рукописных книг с греческими. Когда Гедеон Балабан (1630–1657), архиепископ Львовский, по поручению Собора занимался приготовлением к изданию Требника и обратился к Мелетию, Патриарху Александрийскому, управлявшему тогда и Константинопольской кафедрой, с просьбой о присылке исправленного списка этой книги на греческом языке, то Мелетий прислал Требник, как писал сам Гедеон, «добре исправленный по древним Святой Горы требникам, его же рукою своею подписав, с благословением пастырским повелевая в общую пользу великоименитому российскому роду изобразити»[47].

В дальнейшем связи Украины и Афона постоянно крепли; многие выходцы с Украины прославились своими молитвенными подвигами на Святой Горе. И завершая обзор афоно-украинских церковно-литературных связей, следует также отметить, что в 1707–1709 гг. в Иерусалим, на Синай и на Афон совершил паломничество иеромонах Черниговского Борисоглебского монастыря Ипполит Вишенский, а с 1723 по 1745 гг. по святым местам Востока и по Афону странствовал воспитанник Киево-Могилянской Академии Василий Григорович-Барский.

С именем этого исследователя связан новый период в истории афоно-русских литературных связей. Вот что говорилось по этому поводу в предисло-

вии к изданию одного из «хождений», тексты которого публиковались в конце прошлого – начале нынешнего столетий Православным Палестинским Обществом: «С появлением научных интересов, с проникновением критики в легендарно-апокрифическую область паломнической сферы начинается новый период в паломнической литературе. Этот новый ряд паломников открывает собой В. Г. Барский. Но и тут еще резкого перерыва нет: Барский представляет собой замечательное соединение черт обоих типов. В нем, но, как кажется, уже в последний раз, ярко вспыхнули некоторые симпатичнейшие черты древнего паломника»[48]. После В. Г. Барского многие русские авторы, побывавшие на Афоне, утратили «паломнический» стиль в своих записях, и их труды постепенно стали приобретать характер научных описаний.

В начале XIX столетия русские исследователи начали планомерное изучение Афона, проводя свои изыскания в святогорских книгохранилищах. Обилие тех сведений, которые они почерпали в процессе своей работы над древними рукописями, не позволяет излагать результаты их трудов применительно ко всему Афону в целом, поэтому представляется необходимым перейти к анализу церковно-литературных связей Русской Православной Церкви с каждой святогорской обителью в отдельности[49].

СВЯТО-ПАНТЕЛЕИМОНОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Начальный период существования. Русские монахи начали обосновываться на Афоне в первые десятилетия XI века. На афонском греческом документе, датированном февралем 1016 г., рядом с другими подписями значится имя монаха Герасима, игумена русской обители, написанное на греческом языке[50]. Первая русская обитель на Афоне называлась в XI в. монастырем Успения Богородицы «Ксилургу» (или Пресвятой Богородицы Ксилургу). «Ксилургу» – значит «древодельца плотника», возможно, благодаря первым русским насельникам, в совершенстве владевшим плотницким мастерством.

В немногих официальных актах XI века, упоминавших об этой обители (1030, 1048, 1070 гг.), национальная принадлежность монахов Ксилургу не отмечена. Но следующий по времени подлинный акт на греческом языке 1143 года[51] ясно показывает, кто населял Ксилургу. Согласно этому акту, афонский Протат передал игумену Христофору обитель Богородицы Ксилургу, причем это сопровождалось описью всего монастырского имущества, в том числе и рукописей. Вот что писал об этом архимандрит Порфирий (Успенский): «В 1143 году в первые дни декабря месяца избран был новый игумен Христофор, а в 14-й день того же месяца ему передано было все монастырское имущество по описи, составленной властными старцами, назначенными от Протата. В этой описи упоминаются вещи и книги русские, как-то: апостолов 2, параклитиков 2, октоихов 2, ирмологов 2, синаксарей 4, паремейник 1, миней 12, патериков 2, псалтирей 2, святой Ефрем 1, святой Панкратий 1, часословов 2, номоканон 1»[52].

Некоторые современные исследователи высказывают предположение о том, что в то время, к которому относится составление описи, в монастыре уже существовала мастерская для переписывания рукописей, поскольку большинство богослужебных книг имелось там в нескольких экземплярах[53]. Далее выдвигалась гипотеза о том, что «эти труды по переписыванию рукописей в русском монастыре должны были начаться копированием болгарских и македонских оригиналов, которые могли быть взяты из тамошнего болгарского монастыря»[54].

Более смелое высказывание сводится к тому, что для богослужебной жизни одного монастыря такое количество книг был излишне, и изделия книжной мастерской отправлялись на Русь[55]. Но как бы то ни было, содержание описей свидетельствует о том, что «к 1142 году все книги монастыря были русскими и рассчитанными на многочисленную русскую братию. Греческой книги в описи нет ни одной. Это лучшее доказательство того, что монастырь Ксилургу с основания был русским гнездом. Если бы его основали в XI веке греки, в нем, наверно, сохранились бы хоть две-три греческие книги, кроме русских»[56]. С этим высказыванием современного исследователя частично совпадает утверждение архимандрита Порфирия (Успенского), но он делает также вывод о том, что в середине XII века русские монахи по каким-то причинам покинули свою обитель: «Эта опись (от 1143 г.) положительно доказывает, что, во-первых, в монастыре Ксилургу некогда жили русские иноки, ибо некоторые вещи их помечены в описи старыми; во-вторых, в 1143 году этих иноков уже не было там, посему-то иные насельники пометили оставленные ими вещи и книги русскими, каковые пометки не были бы деланы в описи, если бы составляли ее иноки русские»[57].

Рассуждения архимандрита (впоследствии епископа) Порфирия (Успенского) кажутся довольно убедительными и логичными, но существует и другое мнение по поводу того обстоятельства, что древние хризовулы, в которых речь идет о русской обители, написаны по-гречески. Один из авторов, живший во второй половине XIX века, писал по этому поводу следующее: «То обстоятельство, что официальные документы (русской обители. – *Авт.*) написаны на греческом языке, доказывает только то, что русские (иноки. – *Авт.*) для большего удобства... соображались с порядками, существовавшими на Афоне, ибо там в то время общеупотребительным был язык греческий. В этом отношении и другие славянские монастыри – Хиландар и Зограф поступали точно так же, как и русские»[58].

Какое из этих двух предположений ближе к истине – смогут, видимо, показать дальнейшие археографические изыскания на Афоне, но в настоящем обзоре следует перейти к последующей истории русской обители и ее рукописей. Обитель Ксилургу достигла своего расцвета в эпоху правления на Руси князей Владимира Мономаха, Мстислава Великого и Андрея Боголюбского. Поэтому в 1169 году афонский Протат решил передать братии монастыря Ксилургу новую обитель. В акте, дошедшем до нашего времени, игумен Лаврентий дважды назван «игуменом обители Ксилургу или русов». В праздник Успения, индиктиона 2-го, 6677 (1169) года, в собрании всего духовного сословия и старейшин, прот Иоанн и 27 игуменов удовлетворили просьбу игумена обители русов и уступили ей опустевшую обитель святого Пантелеимона Фессалоникийского с тем, «чтобы она восстановлена была ими, обстроена наподобие крепости, возблестела и украсилась, и населилась немалым количеством людей, работающих Богу»[59].

Протат передал обитель святого Пантелеимона игумену Лаврентию и его монахам в полную собственность и распоряжение на все последующие времена по евангельскому слову: «Всякому имущему на созидание и возделывание дано будет и преизбудет, у неимущего же, имеющего на погибель и разрушение, взято будет». Обитель Ксилургу была тоже оставлена за русскими монахами, сказавшими: «Мы в ней постригались, в ней скончались родители и сродники наши, которые содержали нас и давали нам средства жить»[60].

В конце XII – начале XIII века связи обители с Православной Русью

развивались и крепли, но татаро-монгольское нашествие, разорившее Русскую землю в 1237–1240 гг., сильно ослабило приток русских паломников и средств на Афон.

Особенно разрушительным оказалось для Афона нашествие каталонских пиратов. Они дважды осаждали святогорские монастыри и опустошали Афон. Сербский летописец, архиепископ Даниил, бывший в это время игуменом Хиландарской обители, повествует, как в 1309 году он отправился «в монастырь русский к святому Пантелеимону, к духовному отцу поклониться ему». В то время, когда он находился в русском монастыре, каталонцы окружили обитель и стали ее брать приступом. Они пробили ворота, и «вскочише внутрь зверообразно. В тако в един час церковь божественную и все палаты монастыря того зажгоше». Монастырские здания сгорели, уцелела только крепкая каменная башня, «великий пирг», и в ней летописец Даниил с немногими монахами. Очевидно, в этом пожаре 1309 года сгорели все монастырские реликвии: его русские рукописи, грамоты великих князей и греческих царей. Случайно уцелели только 8 греческих актов с 1030 по 1169 гг.: среди них нет ни одной царской грамоты, ни одного акта XIII века. Эти 8 актов могли случайно сохраниться в пирге (башне) или в скиту Ксилургу, тогда как остальные погибли в сгоревшей церкви[61].

Эта утрата подтверждается сохранившейся грамотой императора Андроника II Палеолога (1282–1328) от 1311 года. Император писал: «В честной обители россов во имя святого Пантелеимона монахи потеряли при пожаре старобытные хризовулы и прочие письменные документы, вследствие чего и просят у нашего царства другой хризовул на имения»[62]. Император подтвердил право обители россов на недвижимые имения в Солуни и на Каламарии, причем по поводу одного имения он заметил, что оно было даровано русской обители грамотой его отца (Михаила VIII Палеолога (1261–1282). – *Авт.*), затем было утрачено и вновь подтверждено грамотой самого Андроника II. Таким образом, из содержания хризовула следует, что Свято-Пантелеимоновский монастырь в эту эпоху не только назывался русским, но и действительно принадлежал русским насельникам.

В это тяжелое время, когда Южная Русь стала добычей татар и литовцев, когда в Северной Руси шла борьба между тверскими и московскими князьями, невозможно было ожидать помощи от России, и русский монастырь обратился за помощью к сербскому королю. Возможно, что тогда в числе братии монастыря были уже и сербы. Но основная масса братии по-прежнему была все еще русской: это следует из слов упомянутого хризовула 1311 года «честная обитель россов» (трижды в тексте. – *Авт.*) и «эти русские монахи»[63].

Пребывание русских на Афоне в XIV веке ясно засвидетельствовано также и в хризовуле от 1342 года болгарского царя Иоанна Александра. Окружая особым попечением болгарский монастырь Зограф и даруя ему по соглашению с императором Иоанном VI имение, царь Александр в предисловии к этому хризовулу перечисляет выходцев из разных стран, в том числе и из Руси, которые подвизались в то время на Афоне: «еже суть первее и изряднейшее греци, болгаре, потом же сербе, русси, ивере, всяк же имать память противу своему потруждению, паче же рвению»[64].

«Сербский период» Руссика. В конце 1345 года Афон попал в зависимость к сербскому царю Стефану Душану. Этот правитель стал щедро одаривать афонских монахов, согласившихся признать его «царем сербов и греков». В хризову-

ле от 1348 года, данном им «обители святого Пантелеимона, называемой россов», Стефан Душан писал, что эта обитель «нуждается в большом попечении и содействии», и потому он дает ей новые села. А 12 июня 1349 года царь Стефан Душан дал Руссику еще два хризовула на сербском языке. В одном из них он прямо говорит, что иноки монастыря святого Пантелеимона пришли к нему, видя «нищету последнюю монастыря, и всякого промышления и попечения тьшь и пусть, и еще от Русие всеконечное оставление», и просили царя принять на себя ктиторство над этой обителью. Стефан Душан охотно принял на себя попечение о монастыре, даровал ему автономию от Протата и сделал его «самовластным и самовольным» царским монастырем[65].

Из слов этого хризовула 1349 года можно сделать вывод о том, что монахи Свято-Пантелеимоновской обители были еще русские, но однако следует с осторожностью подходить к сообщению о том, что монастырь испытал на себе «всеконечное от Русие оставление». Этому сообщению трудно доверять безоговорочно, потому что оно помещено именно в хризовуле царя Стефана Душана, и, по словам отечественного исследователя, «принимая на себя звание ктитора монастыря, Стефан до некоторой степени присваивал себе права русских князей и таким образом должен был объяснить свой поступок»[66].

Тем не менее с этого времени в составе насельников обители начали преобладать сербы, но в целом русско-сербская братия монастыря сохраняла свой общеславянский характер. Это подтверждается тем, что многочисленные грамоты сербских государей этому монастырю в XIV и XV вв. всегда были написаны по-славянски, а не по-гречески[67]. Что касается царских грамот, то в хризовуле императора Иоанна VI Кантакузена Палеолога (1341–1355) монастырь святого Пантелеимона по-прежнему упоминается как монастырь русский. Этой грамотой, данной в 1354 году, император даровал «честной обители россов» некоторые села у Стримона с пастбищами и землями[68]. Сохранился также указ императора Мануила II Палеолога (1391–1425), которым «монастырю россов» дарует ся земля на острове Лимносе[69].

Монастырь по-прежнему сохранял свое русское название, правда, теперь иногда появляется оборот «монастырь называемый Руссов»[70], «монастырь реко ми роуси» (в грамоте деспота Драгаша от 1377, а также от 1380 гг.). Это значило, что русские монахи теперь составляют меньшинство и что русское название обители сохраняется лишь по традиции. В этот период времени в Пантелеимоновском монастыре продолжали развиваться традиции переписывания рукописей, а также переводческая деятельность, которую продолжили сербские насельники.

В XIV веке на Афоне подвизались сербские книжники, но имена многих из них, к сожалению, остаются по сей день неизвестными. Среди известных на сегодняшний день авторов того времени необходимо назвать игумена Свято-Пантелеимоновского монастыря, переводчика сочинений Псевдо-Дионисия Ареопагита, старца Исаии, написавшего интересное предисловие к этому переводу (1371 г.). В XIV–XV вв. еще более усилилось значение Афона как места, где русские образованные люди встречались с греками, сербами и болгарами. Святая Гора была в полном смысле слова международным центром православного Востока, и значение ее в развитии русской культуры чрезвычайно велико.

Во второй половине XV века Свято-Пантелеимоновский монастырь по-прежнему имел тесные связи с другими славянскими обителями. Сохранился один документ большой важности, а именно: договор между русским Пантелеи-

моновским и Рыльским болгарским монастырями от 1466 года, который заслуживает особого внимания. Впервые он был обнародован одним из плеяды известных ученых XIX века, исследователем древнерусской и славянской литературы – архимандритом Леонидом (Кавелиным) (1822–1891) в 1869 году[71]. Архимандрит Леонид, в то время настоятель русской посольской церкви в Константинополе, сообщал, что в 1867 году рыльские монахи привезли в афонский Пантелеимоновский монастырь копию договора 1466 года: «копию с акта, хранящегося у нас, в числе отборных бумаг, в особом кивоте». Архимандрит Леонид опубликовал текст договора, сопроводив его комментариями [72].

Из текста грамоты следует, что «в более старое время» оба монастыря находились в договорных отношениях: «како суть были оба монастыря едино». По возобновленному в 1466 году (6 июня 6974 г.) договору Рыльский и Пантелеимоновский монастыри обязывались поддерживать друг друга в трудные времена, в случае нужды взаимно поставляя игумена из среды своих братств. Договор был подписан игуменом Пантелеимоновского монастыря иеромонахом Аверкием, а со стороны Рыльского монастыря – иеромонахами братьями Давидом и Феофаном и соборными старцами обеих обителей. Копия договора (на что указывает то, что подписи игумена и монастырских старцев сделаны одной рукой) хранится в настоящее время в библиотеке Рыльского монастыря. К грамоте приложены две печати (черного и белого воска) с изображениями на первой – святого Иоанна Рыльского, а на второй – святого великомученика Пантелеимона. Договор был составлен после смерти обновителя Рыльского монастыря Иоасафа. Он был издан в переводе на русский язык Н. М. Дылевским в 1974 году[73].

По мнению архимандрита Леонида (Кавелина), первоначальное соглашение между двумя славянскими обителями относится к гораздо более раннему времени, нежели середина XV века. Анализируя слова грамоты о том, что «како суть были оба монастыря (Рыльский и Пантелеимоновский. – *Авт.*) едино и прежде» (т. е. до разорения Рыльской обители турками в конце XIV или начале XV столетия), архимандрит Леонид на основании исторических данных, относящихся к жизни обеих обителей, сделал следующий вывод: «По нашему заключению, – писал он, – обстоятельство, упоминаемое в акте, т. е. соединение обоих монастырей под общим управлением при прежних ктиторах, судя по известным нам историческим событиям обеих обителей, можно с достоверностью отнести к первой половине XIV столетия»[74]. Приведя данные в пользу этого предположения, архимандрит Леонид далее писал: «Достоверность события XIV столетия, упоминаемого в акте XV столетия, несмотря на утрату относящегося к сему хризовула[75], не подлежит ни малейшему сомнению, и в этом смысле акт 1466 года лишь обновляет для обеих существующих поныне обителей память лет древних» [76].

Отметив, что первый союз обителей окончился вместе с разорением Рыльской обители во время падения Болгарского царства в конце XIV или в начале XV века, архимандрит Леонид так оценивает значение договора от 1466 года: «Долго ли продолжалось условленное этим актом вторичное соединение обоих монастырей под общим управлением, нам неизвестно, но и доныне, при совершенной независимости сих монастырей одного от другого, память их двукратного соединения означается сохранением духовного и дружелюбного общения между братством обоих монастырей»[77].

Что же касается самой грамоты от 1466 года, то по мнению современного

болгарского исследователя, договор был составлен и заключен на Афоне, в Пантелеимоновском монастыре, с которым у братьев Иоасафа, Давида, Феофана были какие-то более ранние связи. О том, что договор был заключен на Афоне, можно судить как по отдельным выражениям, так и по упоминанию имен проигуменов, старцев и других представителей монастырского управления, несомненно принадлежавших к более многочисленному братству монастыря, каким в то время мог быть Пантелеимоновский монастырь (и не мог быть Рыльский монастырь)[78]. Договор между Свято-Пантелеимоновским и Рыльским монастырями представляет собой важное свидетельство о достигнутом единении между православными славянами Балканского полуострова: болгарами и сербами с одной стороны, и русскими Пантелеимоновского монастыря и Византией, с другой, – против наступавшего в XIV-XV вв. ислама.

Возобновление связей с Россией. В 1453 году пал Константинополь, а в 1459 году турки лишили независимости Сербию. Афон также был подчинен туркам, и для него наступили тяжелые времена, хотя он и добился у турецкого султана некоторой автономии. В эти же годы восстановилась наконец связь Пантелеимоновского монастыря с Россией. Так, имеется известие о том, что в 1497 г. Паисий, игумен монастыря святого Пантелеимона, с тремя старцами был в Москве у Великого князя Ивана III. К сожалению, статейные списки Посольского приказа по сношениям с Востоком за XV столетие утрачены, но в списках, сохранившихся с 1509 года, сразу прослеживаются живые русско-афонские связи, из чего можно сделать вывод о том, что они существовали и до этого года[79].

Пантелеимоновский монастырь, который стал получать щедрую помощь от Великого князя Московского Ивана III (1440–1505), а затем от его внука царя Ивана IV Грозного (1530–1584), был посредником между афонскими обителями и Москвой и ее владетелями, которые через него оказывали поддержку и другим святогорским обителям. О высокой репутации Свято-Пантелеимоновского монастыря как ученого центра свидетельствует следующий факт: в 1551 году Иван IV Грозный послал с турецким послом Адрианом Халкокондилом юношу О. М. Грекова к Патриарху цареградскому учиться греческому языку. «Если же у патриарха учиться неудобно, – писал царь, – то послал бы его в наш монастырь афонский святого Пантелеимона»[80].

В 1560 году игумен Свято-Пантелеимоновского монастыря Иоаким написал сочинение, посвященное описанию уклада жизни афонских насельников; этот труд был составлен по просьбе российского митрополита Макария (1528–1563)[81]. Сохранилось также описание Афона, составленное Иваном Мешениновым, который был послан туда в 1584 году с богатыми дарами от царя Ивана IV Грозного[82]. В Пантелеимоновский монастырь поступали из России не только материальные пожертвования, но также и книжные. Одно из таких поступлений в библиотеку русской обители связано с именем известного переписчика книг – иеромонаха Матфея (1550–1624), протосинкела Великой церкви, впоследствии митрополита Миры. Иеромонах Матфей находился в Москве с 1596 по 1597 гг., занимаясь, в частности, книгописанием. Одна из принадлежащих перу иеромонаха Матфея рукописей – Литургарион (1599)[83], находится в библиотеке Пантелеимоновского монастыря (№ 426).

Другой греческий церковный деятель – архиепископ Арсений Элассонский (1550–1626) также имеет прямое отношение как к Русской Православной Церкви, так и к Свято-Пантелеимоновскому монастырю. Прибыв в Москву в

1588 году вместе с константинопольским Патриархом Иеремией II, он принял участие в поставлении первого русского Патриарха и остался после этого навсегда в России. Связав свою судьбу с Россией, архиепископ Арсений тем не менее поддерживал тесные связи с православным Востоком, и в частности с Афоном. В 1620 году в Пантелеимоновский монастырь было послано приобретенное Арсением в Москве в 1613 году базельское издание 1538 года сочинения Павла Эгинского. Запись архиепископа Арсения, сделанная в 1620 году на этой книге, гласила: «В лето 7128 (1620), смиренный Арсений архиепископ Суздальский и Тарусский великой России, а прежде Элассонский и Димоникский второй Фессалийской епархии, посылаю сию медицинскую книгу в святой великий монастырь святого великомученика Пантелеимона на Святой Горе из великой Москвы» [84].

Начало XVII века было тяжелым временем как для России, переживавшей эпоху междоусобных раздоров, так и для Свято-Пантелеимоновской обители. Смутное время надолго отрезало Афон от России, и только в 1626 году в Москву прибыл игумен Мелетий, жаловавшийся, что «наш монастырь, нарицаемый Русский» впал, в большие долги и заложил все свое имущество. В 1677 году он был вынужден продать иерисскому епископу Христофору свою арсану (пристань), на которой епископ устроил небольшой монастырь. Затем эта пристань опять вернулась во владение Руссика, и именно на этом месте был впоследствии построен новый монастырь святого Пантелеимона[85].

К концу XVII века Свято-Пантелеимоновский монастырь вновь впал в запустение. Причиной тому послужила русско-турецкая война за Азовское море и связанные с этим затруднения по оказанию обители материальной помощи из России. Один из рукописных памятников, сохранившийся от того времени, свидетельствует о том, что в начале XVIII века наместником Пантелеимоновского монастыря некоторое время был игумен Варлаам; его перу принадлежит помянник, написанный им на украинском языке в 1705 году[86]. Варлаам был уроженцем Великого Новгорода и, будучи иеромонахом, отправился для поклонения святым местам и прибыл на Афон, где его просили сделаться игуменом вконец обедневшего монастыря. Он энергично принялся за восстановление обители. По его словам, все святогорские отцы, с благословения константинопольского Патриарха Гавриила «советовавше с собою», решили, чтобы между разными греческими и болгарскими афонскими монастырями был один русский, «в котором бы могли находить приют все русские странники и богомольцы, для которых пребывание в греческих монастырях, по незнанию греческого языка, было во многих отношениях неудобно и затруднительно»[87].

Чтобы достать средства на восстановление монастыря святого Пантелеимона, игумен Варлаам в 1707 году с жалованной грамотой отправился в Москву, где сообщил царю Петру I, что «вся братия в Пантелеимоновском монастыре исключительно теперь русская, но сам монастырь обретается в великой скудости и сосудов и риз построить и книг на что купить не имеется». Ему были выданы из царской казны щедрые пожертвования для монастыря и, кроме всего прочего, книги. В 1712 году игумен Варлаам снова был в Москве и снова получил для монастыря все необходимое, и в том числе книги[88].

Дело Варлаама об устроении Пантелеимоновского монастыря продолжал его преемник игумен Киприан, родом из Харькова. В 1720 году он приехал в Москву за помощью для монастыря и, увозя щедрые пожертвования, наряду

с церковной утварью вез пополнение для Свято-Пантелеимоновского книгохранилища.

В 1726 году Афон в первый раз посетил Василий Григорович-Барский. Он с чувством радости описывал, как ему было приятно оказаться среди своих соотечественников в монастыре святого Пантелеимона. Но он писал также, что нашел в нем всего четырех иеромонахов: двух русских и двух болгар (с игуменом болгарином во главе монастыря). Монастырь «еще же и того ради называется русский, яко от древних царей русских милость и призрение к нему большее показавашеся, нежели к иным, их же и хризовулы тамо видех еще хранимы»,[89] – писал В. Г. Барский. Второй раз В. Г. Барский смог посетить Афон только лишь в 1744 году. За это время в Свято-Пантелеимоновском монастыре произошли значительные перемены. Новые войны времен императрицы Анны Иоанновны опять сделали трудным положение русских монахов на Афоне, и в 1735 году монастырь святого Пантелеимона населили греки. Поэтому во время своего вторичного посещения Афона в 1744 году В. Г. Барский не нашел ни одного русского инока в обители святого Пантелеимона. Он объяснял эту перемену следующими причинами: «егда стало невольно российским монахам выходити из своего отечества в чужие страны (по случаю войны 1734–1739 гг.), взяша его во власть свою греки и до днесь обладают»[90].

По словам В. Г. Барского, греки «россам же или сербам или болгарам отнюдь в нем жительствовать не попущают, бояшися, да не како его благословно возьмут в свою власть, аки древнюю свою обитель». Богатую славянскими рукописями и печатными книгами Пантелеимоновскую библиотеку греки к этому времени почти всю распродали, о чем также со скорбью писал В. Г. Барский: «Бяху же тамо, якоже слышится, и книги многи, печатныя же и древния рукописныя славянския; в прибытие же мое тамо малочисленныя обретошася, некия точию правильные и отеческия, но и те готовы бяху продати греческие тамо живущие отцы»[91].

Продолжавшиеся во второй половине XVIII столетия войны России с Турцией прекратили сообщение Афона с Россией и предоставили монастырь святого Пантелеимона, как и другие афонские обители, их собственным средствам: это положение дел особенно повредило славянским монастырям, а именно: Свято-Пантелеимоновскому монастырю, Зографу, Хиландару (другие обители, такие как Свято-Павловская, Филофеевская, Ксиропотамская, еще ранее перешли в полное владение греков). Греки, жившие тогда в Свято-Пантелеимоновском монастыре, сначала находили благотворителей в лице молдаво-валашских господарей, но впоследствии монастырь снова пришел в упадок.

В годы греческого восстания против турок (1821–1831), когда турецкие войска особенно притесняли монахов, Руссик был даже на несколько лет оставлен братией. В этой бедственной ситуации греческие иноки стали просить русских монахов, начавших в 1830-х годах снова приходить на Афон, чтобы они обосновывались в Руссике. В 1834 году игумен обители святого Пантелеимона пригласил в монастырь русских монахов из других скитов, надеясь на новый приток средств из России. В 1840 году это приглашение повторил новый игумен обители отец Герасим. И действительно, дела монастыря стали быстро поправляться. С 1840 по 1866 гг. были выплачены долги и даже выкуплены давно проданные имения. Монастырь стал обстраиваться прекрасными зданиями[92]. Усилилось русское паломничество на Афон, а вместе с тем открылись новые воз-

можности для отечественных исследователей, стремившихся побывать на Афоне для изучения древних рукописей.

Деятельность русских исследователей середины XIX– начала XX вв. Одним из первых ученых-паломников, прибывших на Афон из России в середине XIX века был В. И. Григорович (1815–1876). Этот отечественный исследователь в 1844–1847 гг. предпринял длительное путешествие по балканскому югу и оставил обстоятельное описание этого путешествия. В. И. Григорович хорошо знал греческий язык (в Дерптском университете он занимался изучением греческого языка и греческой литературы); приехав в 1838 году в Казань, он читал в университете греческий язык и уже тогда проявлял интерес к истории Афона и его рукописному наследию. Прибыв на Афон, он уделил особое внимание Свято-Пантелеимоновской обители, где ему был оказан самый радушный прием. Он ознакомился здесь с большим числом рукописей, смог кратко описать их содержание, а некоторые целиком переписал с целью дальнейшего изучения. В. И. Григорович отметил в своем путевом дневнике свои впечатления от осмотра древней русской обители с ее книгохранилищем: «3–29 генваря (1845 г. – *Авт.*). Монастырь Руссик с храмом великомученика Пантелеимона. Общежительный. Запустелый много лет, он возник опять тому назад лет тридцать. Новые его здания расположены у самого моря, между монастырями Ксенофонтом и Ксиропотамом. Живописные развалины старого здания находятся повыше его, расстоянием на два часа. Уступая средствами к содержанию прочим монастырям, он превосходит их строгостью правил и достоинством своих обитателей, отличающихся любознанием и деятельностью. Направлением своим он обязан возвышенному духу игуменов, покойного и настоящего, которые, строго соблюдая мир и согласие, старались устранить подозрительность и лицемерие, следствия своевольного невежества. Согласная его братия состоит теперь из русских и греков. Библиотека его, помещенная в особом нарочном здании, новая, недавно составленная, но с выбором и приспособлена к нуждам духовных лиц. Она заключает до 500 книг, в том числе старые издания отцов Церкви и византийских историков. Рукописей до 60-ти, вообще богословского содержания, например: сочинения Феофилакта, Дионисия Ареопагита, Василия Великого и прочих. Славянских (рукописей. – *Авт.*) только 6»[93].

Относительно посещения скита, носящего имя Богородицы и принадлежавшего Свято-Пантелеимоновскому монастырю, В. И. Григорович в официальных донесениях ограничился лишь упоминанием о хранившихся там 12 рукописях аскетического содержания; немногим более можно узнать и из его дневника, где посещение этого скита датировано 25 января 1845 года (там В.И. Григорович переночевал и отправился в Карею). Ни в одном официальном отчете, ни в дневнике В. И. Григорович не обмолвился ни одним словом, что в этом скиту им было приобретено глаголическое Евангелие, по месту находки названное Мариинским. О нем упоминается в официальном донесении, но в такой краткой форме, которая не дает почти никаких сведений; отмечая, что глаголица встречалась и в рукописях других монастырей, В. И. Григорович добавляет: «Свидетельство имею сам в одном отрывке Евангелия, писанного глаголитскими буквами, о котором доложу впоследствии»[94].

Биограф В. И. Григоровича привел дополнительные сведения об обстоятельствах, связанных с находкой Мариинского глаголического Евангелия. По его сведениям, получив разрешение осмотреть книгохранилище скита, Григоро-

вич отправился туда в сопровождении монаха, который должен был помогать ему. Книги и рукописи лежали на полу; он сел на пол и стал разбирать их. И вдруг, к его радости, ему попалось глаголическое Евангелие. «Но я, – рассказывает В. И. Григорович, – тотчас же догадался, что в присутствии монаха-наблюдателя не надо выказывать особенного интереса и радости; я с видом полнейшего равнодушия отбросил рукопись в угол. Однако же монах, вероятно, заметил на моем лице хоть на мгновение мелькнувшее радостное изумление; он подошел к тому месту, куда отброшена была рукопись, поднял ее, посмотрел и, сказав: «А, это по-грузински написано», – положил ее опять». Вечером Григорович обратился к одному из послушников, объяснил ему, что он желал бы в своей келье на досуге рассмотреть некоторые рукописи, и просил его сходить в библиотеку и принести оттуда несколько рукописей. Он питал надежду, что в числе захваченных послушником рукописей попадет и драгоценное Евангелие. Его ожидания сбылись: услужливый насельник доставил ему то, чего он ожидал с нетерпением и тревогой[95].

По возвращении в Россию В. И. Григорович ознакомил русские научные круги с найденным им сокровищем. В 1847 году к изучению Мариинского Четвероевангелия приступил академик И. И. Срезневский (1812–1880). В. И. Григорович осознавал громадную научную ценность, которую представляла собой найденная им глаголическая рукопись, и поэтому не покажется слишком странным то, что однажды И. И. Срезневский, взяв домой для работы некоторые рукописи у В. И. Григоровича, ночью был разбужен звонком их владельца, который не мог спать от беспокойства за их судьбу и пришел за ними. О том, как Григорович берег Мариинское Четвероевангелие, свидетельствует следующий рассказ А. И. Соколова: «Однажды, показывая мне новые шкафы своей библиотеки, он сказал, что заготовил мешки, чтобы в случае пожара, удобнее было вытаскивать книги. А если нельзя будет спасти библиотеку, – прибавил он, – то спасу только вот этот шкаф (в котором находились отборные рукописи), а если и его нельзя будет спасти, то захвачу только мое глаголическое Евангелие, и предоставлю все остальное огню»[96].

«В афонских монастырях рассмотрел я 2800 греческих и 445 славянских рукописей, – писал В. И. Григорович в своем отчете для министерства народного просвещения. – Сверх сего, на Афоне я старался ознакомиться с действительным сокровищем монастырей – их хризовулами, которых с достоверностью полагаю числом 2000. Несмотря на все усилия..., из сего числа успел я читать и частью списать до 120. Списанные хризовулы, как мне кажется, имеют особенную важность по отношению к географии и этнографии средних веков»[97].

Архимандрит Порфирий (Успенский) прибыл в первый раз на Афон 11 августа 1845 года и пробыл там до 1 июля 1846 года, за исключением февраля и марта, которые провел в Константинополе из-за тяжелой болезни.

«Посетив все 20 монастырей, 7 скитов и некоторые келии, в течение восьми с половиной месяцев, в часы досужные от богомолья и собеседования с духовными старцами, – пишет архимандрит Порфирий, – я успел не только прочитать, переписать частью в целости, частью сокращенно, и выметить большое число актов, но и сделать точнейшие снимки (факсимиле) с весьма многих из них и с некоторых древних икон и рукописей греческих и славянских, накладывая на них тонкую прозрачную бумагу, которую приготовляли мне русские иноки, пропитывая ее деревянным маслом и высушивая на солнце»[98].

«Умалчиваю о тяжких трудах, нередко приводивших меня в истому, – писал далее о своем пребывании на Афоне архимандрит Порфирий, – не упоминаю о чрезвычайной трудности читать ветхие хартии, написанные замысловатыми стенографами и кудрявыми почерками, и читать их или через увеличительное стекло, или обращая против солнца те места, где чернила совсем изгладились, и всматриваясь в светящиеся углубления букв, сделанные твердым стилом на пергамине. А радуюсь тому, что сладчайшее для сердца моего братолюбие афонских старцев и их благоговение и любовь к Православной Церкви открыли мне, не все, но многие сокровища поучительной древности»[99]. По словам архимандрита Порфирия, написанным им вскоре после ознакомления с афонскими книгохранилищами, «в обителях Святогорских скрывается заветный, драгоценный клад для науки. Если бы удалось собрать и напечатать все тамошние акты с добавкой критического разбора их, то появление их сделало бы эпоху в науке»[100].

Следует сказать о библиографических изысканиях архимандрита Порфирия в Пантелеимоновской обители. В своем письме А. П. Толстому от 4 октября 1858 года он писал: «По сию пору в Есфигмене и Руссике отчетливо рассмотрены мною 80 старинных рукописей греческих и славянских и внимательно сличены многие чтения из Ветхого Завета, содержащиеся в рукописных греческих Минеях XIV века, в нынешних печатных Минеях греческих и славянских и в Тишендорфовском издании Ватиканского текста Библии (1850 г.)»[101]. Интересно наблюдение архимандрита Порфирия, которое позволяет составить косвенное представление о насыщенности книгохранилища Свято-Пантелеимоновской обители богослужебными книгами. В дневнике при своем втором посещении Афона он сделал следующую запись: «Апреля 23, 1861 г. Пасха. В Пантелеимоновском монастыре. Во время вечерни 20 иеромонахов читали уставное Евангелие растянувшись прямой линией от алтаря до западных дверей храма. У каждого из них было печатное Евангелие в бархатном переплете с серебряно-позлащенными образками. Богаты русские монахи!»[102]

Но это книжное богатство составляли в основном печатные книги сравнительно позднего издания. А что касается древних рукописей и хризовулов, то примерно в то же самое время, к которому относятся наблюдения архимандрита Порфирия, афонские иноки сами оценили состояние книгохранилища своего монастыря: «Библиотека русского монастыря очень скудна. В минувшие смуты, коснувшиеся Святой Горы, и во временное запустение монастыря, большая часть книг и рукописей была расхищена, но... сохранилось лучшее и драгоценнейшее – святые мощи и более 50 царских и других грамот, в числе которых – 4 (грамоты. – *Авт.*) русских царей: Феодора Иоанновича (7100 г. сентября 5), Михаила Феодоровича (7134 г. июля 29), Алексея Михайловича (7168 г. февраля 29), Иоанна и Петра Алексеевичей (7198 г. мая 31) и одна патриарха российского Иова (7099 г. марта 6)»[103].

Выше уже встречалось имя архимандрита Леонида (Кавелина), который много сделал для изучения архива Свято-Пантелеимоновского монастыря. В статье «Историческое обозрение Руссика» (Херсонские епархиальные ведомости, 1867 год, прибавление) отец Леонид опубликовал часть документов этого монастыря. Затем в 1868 году в 24-й книге «Гласника» по снимкам и копиям архимандрита Леонида были изданы в полном виде 18 актов Руссика на славянском языке, из них – 15 сербских, 3 – валашских господарей. Наконец, в 1873 году в Киеве на средства самой обители вышел сборник: «Акты русского на Святом Афоне монастыря Святого

Пантелеимона». Сюда было внесено все, что сохранялось еще в монастырском архиве: славянские акты в том виде, как они были изданы в «Гласнике», греческие хризовулы, сигиллионы, юридические и межевые документы, румынские и русские грамоты: всего 86 документов. Издание было выполнено на высоком научном уровне: греческий и румынский тексты были снабжены параллельными русскими переводами, многие из документов сопровождались пояснительными замечаниями, а в начале книги была помещена краткая история самого монастыря. Как писал тогда об этом событии один из русских ученых: «Изданием этого сборника настоятельство Руссика оказало большую услугу исторической науке; было бы весьма желательно, чтобы и другие афонские монастыри последовали доброму примеру своего славянского собрата. Только этим путем и могли бы вполне раскрыться все богатства афонских архивов»[104].

Издание актов Пантелеимоновской обители было высоко оценено и зарубежными специалистами того времени. Так, профессор Афинского университета Спиридон Ламброс писал по этому поводу: «Мы вправе ожидать и от других обителей того же, что сделано русскими святого Пантелеимона, издавшими в подлиннике и в русском переводе акты своего монастыря и обогатившими это издание множеством примечаний... Настало время не скрывать хризовулы, а предавать их гласности»[105].

Напечатание актов и хризовул Свято-Пантелеимоновского монастыря, засвидетельствовавших о давности права русских святогорцев на обитель, неожиданно вызвало недовольство греков, которые стали требовать, чтобы все подлинные акты были переданы в их руки. С их стороны начались соответствующие действия в надежде на опору Протата. Видя такое враждебное отношение, духовники – русские насельники Иероним и Макарий сначала думали, что кротостью и уступками можно будет умиротворить враждующих, и потому с христианским смирением отдали насильственно требуемые от них хризовулы и печать, но это не смогло упразднить напряженность в отношениях, и примирение состоялось лишь в 1874 году[106].

К 1874 году число русской братии в Свято-Пантелеимоновском монастыре достигло 300 человек, греков к этому времени насчитывалоь около 200 насельников. Престарелый игумен – грек Герасим сам назначил своим преемником в качестве наместника монастыря русского инока Макария, который и был выбран в игумены в 1875 году, правда, не без определенного противодействия. С этого времени монастырь снова становится под водительство русских иноков, хотя в нем по-прежнему жили насельники и из греческой братии, ради которых служба в старом соборе совершалась на греческом языке.

Настоятельство архимандрита Макария (1875–1889) было блестящим периодом в истории Пантелеимоновского монастыря. При игумене Макарии монастырь предпринял обширную просветительско-издательскую деятельность, распространяя среди верующих миллионы листков, брошюр и книг религиозно-нравственного содержания. К этому периоду времени относится свидетельство одного из русских паломников, посетившего Свято-Пантелеимоновскую обитель и уделившего особое внимание описанию монастырского книгохранилища: «Библиотека производит отрадное впечатление своей чистотой и порядком, в котором выглядывают из-за стекол длинные ряды переплетов. Тут есть книги по самым разнообразным отраслям человеческого знания; но рукописный отдел менее обширен и интересен, чем в других афонских монастырях; вероятно, он

немало пострадал во время несогласий, еще недавно происходивших в Руссике между греками и русскими. Впрочем, в последнее время, понимая всю ценность старинных памятников письменности, монахи охотно покупают рукописи, если они попадают в продажу из других монастырей Афона; не знаю только, удачны ли подобного рода приобретения, тем более, что вовсе не имеется специалистов, которые могли бы руководить покупкой. Мы познакомились с библиотекарем, отцом Матфеем, который знает, кажется, наизусть все каталоги и названия книг, находящихся во вверенном ему книгохранилище»[107].

Личность отца Матфея, ставшего душой монастырской библиотеки, вызывала неизменную симпатию всех русских исследователей, которым он всегда был рад оказать посильную помощь. Х. М. Лопарев, побывавший с научной целью на Афоне в 1896 году, писал: «Пользуясь драгоценными указаниями библиотекаря отца Матфея, я ознакомился с новым списком мучения святого Модеста, архиепископа Иерусалимского, и затем, встретив здесь редкое печатное издание Творений Иосифа Вриенния, списал слово его, сказанное по случаю смерти супруги императора Иоанна Палеолога – Анны, дочери Великого князя Василия Димитриевича»[108]. Через несколько лет с отцом Матфеем суждено было познакомиться другому русскому исследователю, специалсту в области христианского искусства Н. П. Кондакову: «Библиотека Руссика, – писал Кондаков, – составляет видный почин афонского православия в деле его научного исследования, и на этом поприще уже начинают работать и руководят им достойнейшие представители афонского монашества. Таков на первом месте отец Матфей, библиотекарь Руссика, ученый издатель монастырских «актов», видный инициатор всех научных стремлений этой выдающейся обители, доказавший монашеству практическую пользу исторической науки тем, что по актам доказал права русских на эту обитель»[109].

И, наконец, следует привести более подробную характеристику отца Матфея – библиотекаря Свято-Пантелеимоновского книгохранилища, поскольку с его личностью связан один из самых блестящих периодов в истории книжного наследия этой афонской обители. Последние годы его деятельности проходили при наместнике архимандрите Андрее, который управлял монастырем с 1899 по 1903 гг. вплоть до самой своей смерти, сменив на этой должности отца Макария, при жизни которого он был избран его преемником. Вот свидетельство русского ученого-паломника И. Соколова, побывавшего на Афоне в начале нынешнего столетия и встречавшегося с отцом Матфеем: «Мы укажем только на библиотекаря отца Матфея, с которым приходится иметь дело всякому, кто приезжает на Афон с научной целью. Отец Матфей – человек замечательный в разных отношениях. Прежде всего, это ученый в полном смысле слова. Кажется, нет такой области знания, которой бы он не интересовался. Особенно почтенны его познания в богословии, истории, археологии, филологии. Между прочим, он прекрасно знает языки новогреческий, турецкий и французский, на коих и ведет обширную официальную корреспонденцию монастыря с Протатом, исполняя обязанности и монастырского грамматевса (секретаря). А сведения отца Матфея в греческой палеографии прямо изумительны: он не только с замечательным искусством читает греческие рукописи, но и прекрасно знаком с составом всех монастырских библиотек Афона и на каждый вопрос из этой области может дать интересующемуся обстоятельные сведения. Свою библиотеку отец Матфей любит, как дорогое детище. Он не только привел и содержит ее в об-

разцовом порядке, снабдив описаниями и каталогами, но и постепенно обогащает ее новыми приобретениями. Последнее дело заслуживает величайшей похвалы. В то время, как библиотеки греческих монастырей остаются «статус кво» в течение десятков лет, отец Матфей ежегодно восполняет состав Пантелеимоновской библиотеки новыми кодексами и свежими списками драгоценных греческих текстов, сохранившихся в иных библиотеках Афона. Вследствие этого молодая библиотека Русского монастыря в настоящее время почти ничем не уступает в своем богатстве древнейшим книгохранилищам греческих обителей, а в некоторых отношениях даже и превосходит их (например, по составу рукописей из новейшей истории Греческой Церкви). Ученые заслуги отца Матфея известны всем, кто интересуется историей христианского Востока, и оценены даже на Западе: года два тому назад отец Матфей получил от Парижской Академии Наук официальное признание в почетном звании ученого, удостоившись соответствующего ордена и диплома. Особенно удивительно в этом человеке то, что свои обширные познания он приобрел самообразованием без предварительной систематической школы.

А затем, отец Матфей – редкий по скромности и нравственным доблестям монах. Несмотря на то, что в монастыре он, в некотором роде «персона грата», отец Матфей по своему смирению упорно отказывается от сана даже иеромонаха и остается простым иноком, неся наряду со всеми обычные монастырские послушания. Его дорога только в храм да в библиотеку, а за стены обители он никогда и не выходит, проводя все свободное от послушаний время в своей келии, среди кодексов и хартий, да в беседе с заезжими учеными, которые по приезде в Русский монастырь прежде всего спешат к этому замечательному человеку для поучения и наставлений касательно богатейшей и обширнейшей афонской письменности. Дай Бог, чтобы в Руссике никогда не оскудевал дух геронта – отца Матфея»[110].

В 1880 году профессор Афинского университета Спиридон Ламброс составил каталог греческих рукописей, хранившихся в 20 афонских книгохранилищах. Число древних греческих манускриптов, имевшихся к тому времени в Свято-Пантелеимоновском монастыре, составило 264 рукописи. Эти данные позволяют сделать оценку роста числа рукописей в Пантелеимоновском книгохранилище за последующие несколько лет: по сведениям профессора А. А. Дмитриевского, на 1889 год там насчитывалось уже 850 рукописей[111], которые, по-видимому, поступили сюда из библиотек других афонских обителей.

Реальность и перспективы. Многие невзгоды претерпел Свято-Пантелеимоновский монастырь с началом первой мировой войны. В течение нескольких десятилетий монашеская братия не имела связи с родиной. Об этом периоде времени имеется краткое свидетельство шотландского паломника Сиднея Лоха, который посетил в те годы книгохранилище Свято-Пантелеимоновского монастыря. «В библиотеке (Пантелеимоновской. – *Авт.*) сохранилось несколько иллюстрированных Евангелий, датируемых XI–XIV вв., несколько фрагментов рукописей, несколько славянских пергаментов, десятки славянских церковных книг, написанных до XIX века, и значительное количество современной богословской литературы»[112],– писал С. Лох.

В те трудные годы не могло быть и речи о каких-либо изысканиях отечественных исследователей на Афоне. Еще совсем недавно видный ученый Я. Н. Щапов писал: «Что касается Пантелеимонова монастыря «Руссика», в ко-

тором в послевоенные годы был пожар, то новых сведений о русских рукописях, принадлежавших этому монастырю, в нашем распоряжении нет»[113].

Лишь только в начале 1960-х гг. возобновилось пополнение Свято-Пантелеимоновского монастыря иноками Русской Православной Церкви. Грузинский исследователь и публицист Гурам Патария, побывавший на Афоне в 1977 г. и лично убедившийся в бедственном состоянии ряда святогорских хранилищ, предлагал следующее: «Если по каким-то причинам церковные власти (Афона. – *Авт.*) не хотят допускать туда ученых (светских специалистов. – *Авт.*), то, может, можно было бы послать туда представителей наших религиозных организаций, которые вообще могли бы многое сделать для предотвращения утраты ценных памятников христианской культуры за рубежом»[114].

Но, к счастью, времена меняются, и осенью 1983 года научная экспедиция из нашей страны смогла приступить к работе на Афоне, возобновив, таким образом, после 70-летнего перерыва изучение святогорских рукописей[115].

В состав этой рабочей группы входили ее руководитель архимандрит Иннокентий (Просвирнин) (Издательский отдел Московского Патриархата), а также представители Академии Наук А. А. Лебедев, Н. Б. Тихомиров и А. А. Турилов. Экспедиция проводилась под эгидой Археографической комиссии при Президиуме АН.

27 февраля 1984 года в конференц-зале библиотеки Академии Наук в Ленинграде состоялось заседание, на котором архимандрит Иннокентий сделал сообщение о результатах работы научной экспедиции на Афоне и об изучении рукописей Свято-Пантелеимоновского монастыря. В этот же день научные материалы экспедиции были переданы в рукописный отдел БАН, где, согласно ранее принятому решению, организовано хранилище рукописных материалов, связанных с историей Святой Горы.

Эта работа отечественных исследователей представляет большую ценность еще и потому, что рукописи, хранящиеся в святогорских обителях, подвергаются разного рода опасностям. Так, в 1968 г. в Свято-Пантелеимоновском монастыре возник пожар. По свидетельству насельников обители, пламя стало быстро расспространяться и уже охватило постройки, прилегающие к библиотеке, в огне была дверь книгохранилища, но именно в этот момент пожар удалось потушить. Это счастливое обстоятельство позволило сохранить бесценные рукописи, в противном случае они разделили бы судьбу манускриптов Андреевского скита. В настоящее время библиотека монастыря содержит более 1320 греческих и около 600 славянских рукописей, написанных как на пергаменте, так и на бумаге[116]. В библиотеке также имеется более 20 тысяч печатных книг на русском и греческом языках, среди которых встречаются довольно редкие издания.

В заключение следует сказать о том, что трудно надеяться, что кто-либо из небольшого числа русских насельников, подвизающихся сейчас в Свято-Пантелеимоновском монастыре и обремененных многочисленными хозяйственными заботами, сможет начать здесь исследовательскую работу. Поэтому в настоящее время уже решен вопрос об отправке на Афон представителя монашествующей братии из Русской Православной Церкви, имеющего высшее богословское образование, приобретшего специальные знания в области филологии и палеографии и обладающего опытом работы с рукописями. Вполне естественно, что такая исследовательская работа может начаться в первую очередь в архивах Свято-Пантелеимоновского монастыря, поскольку именно там имеется больше

всего материалов, связанных с историей многовековых духовных связей святогорских обителей с Русской Православной Церковью.

Андреевский скит. Научная деятельность П. И. Севастьянова. В конце XIX – начале XX вв. неотъемлемой частью библиотеки Свято-Пантелеимоновского монастыря являлось книгохранилище, существовавшее в русском Андреевском скиту, расположенном близ Кареи – монашеской столицы Афона. Вскоре после того как этот скит, носивший название Серай, перешел в ведение русской братии, из России сюда были привезены различные книги, как богослужебные, так и исторические. Они и составили основу библиотеки этого скита. Следует отметить, что некоторые древние рукописи, хранившиеся в Серае, перешли к русским насельникам от прежних владельцев скита, о чем упоминали составители исторического сочинения, посвященного этой обители: «Из перешедших в руки русского братства с Серайской келиею предметов, существование которых может быть отнесено с достаточной достоверностью ко времени Патриарха Афанасия, сохранились весьма немногие. Со времен же Патриарха Серафима остались несколько книг богослужебных греческих и славянских, печатных и рукописных. (В числе последних было Евангелие на пергаменте в восьмую долю. Оно поднесено в благодарственный дар ктитору скита А. Н. Муравьеву, им передано митрополиту Московскому, а от него поступило для хранения в библиотеку Троице-Сергиевой Лавры)»[117].

Интересные сведения о книгохранилище Андреевского скита содержатся в записках епископа Смоленского и Дорогобужского Никанора (Каменского), побывавшего на Афоне в 1888 году. «В Андреевском скиту, – писал епископ Никанор, – мне показывали греческое Евангелие, которое современно принятию русскими христианства. Отчасти я и сам предугадывал древность этого Евангелия, отлично написанного на пергамене отчетливыми квадратными буквами, похожими на древние славянские. Но нас убедил в этом вполне архимандрит Григорий, библиотекарь, показав для сравнения печатные образцы древних текстов. Имеются на Афоне и более древние списки книг, особенно из числа святоотеческих творений, как менее употреблявшихся, нежели богослужебные книги, которые от частого употребления скорее приходили в ветхость»[118].

Упоминавшийся уже выше профессор Спиридон Ламброс, будучи на Афоне, составил каталог греческих рукописей многих афонских обителей, но, к сожалению, не смог уделить внимания манускриптам Андреевского скита. А по сведениям профессора А. А. Дмитриевского, «общее количество рукописей в этой библиотеке несколько выше 100 и отрывков не менее той же цифры, так что в численном отношении она превышает библиотеки скита святой Анны, Протата, монастырей святого Павла, Хиландара и Зографа, а ценностью некоторых рукописей в научном отношении и достоверностью их написания она не уступает многим, даже более богатым библиотекам Святой Горы»[119].

Отметив, что определенную часть рукописей библиотеки скита составляли манускрипты, пожертвованные русскими исследователями П. И. Севастяновым и А. Н. Муравьевым, профессор А. А. Дмитриевский более подробно сообщает о той роли, которую играл П. И. Севастьянов как в деле пополнения рукописного собрания Андреевского скита, так и в сборе иконографических материалов: «Из иноземцев... особенно изучали творения искусства на Афоне француз Дидрон... и русский Севастьянов.., но первый (Дидрон) занимался преимущественно символами христианского иконописания, а художественные предприятия

русского исследователя ограничились только устроением замечательного собрания из 6 тысяч фотографий, украшающих Петербургский музей (Музей христианских древностей при Академии художеств в Петербурге). Туда поступила, по всей вероятности, лишь часть снимков с достопримечательных памятников древнего христианского искусства на Афоне, потому что весьма много ка'лек и снимков Севастьянова мы видели в подвалах русского Андреевского скита на Афоне, в котором покойный Севастьянов жил и работал долгое время и которому завещал довольно богатое собрание рукописей греческих и старинных икон афонского письма, собранных им во время путешествия. Рукописи составляют украшение монастырской библиотеки, иконы находятся во вновь устроенном храме над монастырской трапезой, а прекрасные кальки, сделанные большей частью в натуральную величину подлинника и хранящиеся в ските лишь для публики, от сухости так попортились, что их нет никакой возможности развернуть»[120].

Приезд П. И. Севастьянова на Афон и его работа в святогорских библиотеках настолько обширна и плодотворна, что заслуживает более подробного описания.

П. И. Севастьянов по окончании курса в Московском университете со степенью кандидата нравственно-политических наук, с 1831 по 1851 гг. находился на государственной службе, а в 1851 г. вышел в отставку и затем остальные годы жизни провел большей частью в путешествиях по Европе и Востоку[121]. В отличие от своих предшественников, делавших выписки из афонских рукописей, либо ограничивавшихся кратким перечислением наиболее интересных объектов книгохранилищ афонских обителей, П. И. Севастьянов производил фотографическую съемку интересовавших его манускриптов.

Из богатой сокровищницы памятников древней письменности, рассеянных по афонским книгохранилищам, П. И. Севастьяновым были избраны для фотографирования такие рукописи, которые, помимо их древности и палеографического значения, представляли интерес в сравнительно большей степени или по находившимся в них миниатюрам и орнаментам, или по содержанию, или по другим особенностям, например, нотные рукописи. При этом Севастьянов в избранных им рукописях фотографировал те страницы, которые представляли особый интерес в том или другом отношении: страницы с миниатюрами, начальные листы с заставками, листы с хронологическими обозначениями и т. п. Поэтому с некоторых рукописей, представлявших в указанных отношениях больший интерес, им было сделано по 30, по 50 и более снимков, а с других – по 5 и менее. Наконец, некоторые рукописи и статьи небольшого объема, в то же время интересные по своему содержанию, были пересняты полностью. Большая часть снимков по сравнению с подлинниками была сделана в уменьшенном виде, другие – в натуральную величину. К числу последних чаще всего относились снимки с миниатюр, примечательных по своим сюжетам или по исполнению. Из таких миниатюр многие были сняты в уменьшенном виде, вместе с текстом, и отдельно – в величину подлинника, а некоторые – в увеличенном виде[122].

Следует сказать несколько слов о судьбе собрания П. И. Севастьянова. По его возвращении из поездки на Афон, с 9 февраля по 14 марта 1859 г. в залах Святейшего Синода было выставлено собрание рисунков, привезенных Севастьяновым из афонских монастырей[123]. Но уже в то время собрание П. И. Севастьянова, несмотря на то, что позитивы были сделаны в большом количестве, оказалось распыленным. Как уже упоминалось, часть снимков

так и осталась в Андреевском скиту на Афоне, другая часть поступила в ведение Академии художеств в Петербурге, многие фотографии оказались в ряде других собраний Петербурга и Москвы. Так, например, уже Т. Флоринский, издавший в 1880 году некоторые из афонских актов[124], не имел этих фотографий полностью, а пользовался только той их частью, которая хранилась в Петербурге.

Впоследствии часть собрания П. И. Севастьянова была передана им в Московский Публичный Музей на правах временного пользования, еще в первый год существования Музея, в 1862 году. Затем, согласно завещанию от 5-го апреля 1865 года, оно было предназначено к безвозмездной передаче в полную собственность Музея, но, к сожалению, П. И. Севастьянов не успел придать надлежащей официальной формы своему завещанию. Поэтому после его кончины 10 января 1867 года появились разные затруднения, которые отдалили окончательное поступление собрания в собственность Музея до октября 1874 года. Примерно в то же время от наследников П. И. Севастьянова в Музей было передано большое, принадлежавшее ему собрание фотографических снимков (925) с афонских рукописей и древностей и его бумаги[125]. Кроме того, в Музей было передано 77 греческих рукописей, 10 рукописей на латыни и восточных языках, славянских рукописей – более 50-ти.

Т. Флоринский полагал, что в Румянцевском музее (ныне Российская Государственная библиотека) совершенно нет фотографий из коллекции П. И. Севастьянова[126], но он ошибался; уже в отчете по музею в 1864 году Н. В. Исаев указал на получение от П. И. Севастьянова фотографических снимков с афонских рукописей и славянских актов. В отчете за 1873–1875 гг. находятся более подробные сведения о Севастьяновском собрании; там отмечены «снимки с 25 греческих, 4 молдавских и 6 турецких актов, принадлежащих разным афонским монастырям[127]. Уже после появления работы Т. Флоринского акты этого собрания были включены в описание, сделанное А. Викторовым[128].

Возвращаясь к обзору рукописей, хранившихся в библиотеке Андреевского скита, можно привести еще некоторые высказывания отечественных исследователей. По свидетельству Х. М. Лопарева, побывавшего на Афоне в 1896 году, в Андреевском книгохранилище имелись весьма древние манускрипты. «В библиотеке скита, – писал Х. М. Лопарев, – я видел Евангелия: одно, помеченное покойным отцом Иосифом в рукописном каталоге VIII веком, писано в виде креста, без начала и конца, и другое IX века, также неполное»[129].

Другой русский исследователь – Истрин – смог уделить больше времени изучению книгохранилища, отметив роль другого своего предшественника, который занимался систематизацией книжного собрания скита: «Профессор Н. Ф. Красносельцев привел в порядок греческий отдел, выставил номера, надписав содержание и век рукописи»[130].

В 1897 году в Андреевском скиту был выстроен каменный корпус на западной стороне обители. В нем, наряду с другими монастырскими хозяйственными службами, было отведено помещение для библиотеки. С этого времени древние рукописи и книги получили новое пристанище, но, как показало время, ненадежное. После 1917 года скитские насельники потеряли связь с Россией, обитель постепенно начала приходить в упадок. Отсутствие должной заботы о монастыре привело к тому, что в 1958 году пожар уничтожил западную часть скита, и в огне сгорело 20 тысяч томов книг, а также большое число рукописей. В на-

стоящее время здесь никто не живет; сама действительность диктует настоятельную необходимость присутствия русских иноков в этой обители, но слишком много препятствий, по-видимому, придется преодолеть на пути к осуществлению этой задачи.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ильинский Г. А. Значение Афона в истории славянской письменности. «ЖМНП», 1908, ноябрь, ч. 18, новая серия, с. 2.

[2] Духовно-нравственным связям Афона и России посвящено фундаментальное исследование архиепископа Рижского и Латвийского Леонида (Полякова) «Афон в истории русского монашества (XI-XVIII вв.)». Диссертация МДА. Ярославль. 1964; сжатое изложение в «БТ», 1970, № 5, с. 5–24.

[3] Цит. по: Повести Древней Руси XI-XII вв. Л., 1983, с.182 (русский перевод Д. С. Лихачева).

[4] См. Полный Православный богословский энциклопедический словарь. Т. I. СПб., 1913, с.191.

[5] Цит. по: Повести Древней Руси XI-XII века. Л., 1983, с. 182 (русский перевод Д. С. Лихачева).

[6] Киево-Печерский Патерик. Киев, 1930, с. 11.

[7] См. «Христианское чтение», 1853, октябрь, с. 297–298.

[8] Порфирий (Успенский), архим. Указатель актов, хранящихся в обителях Святой Горы Афонской. СПб., 1847, с. 142.

[9] Студийский устав составлен преподобным Феодором Студитом (759–826), настоятелем Студийского монастыря в 798 г. В Россию Студийский устав дошел в нескольких списках, древнейшим из которых является список XII века (*прим. авт.*).

[10] Цит. по: Сапунов Б. В. Книга в России в XI-XIII вв. Л., 1978, с. 136–137.

[11] См. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. II. М., 1913, с.769.

[12] См. «Прибавления к творениям святых отцов в русском переводе», год 6-й. 1848, с. 134.

[13] См. Тихомиров М. Н. Исторические связи русского народа с южными славянами. В «Славянском сборнике». М., 1947, с. 166 (подробнее см. в: Петровский М. Иларион, митрополит Киевский и Доментиан, иеромонах Хиландарский. Известия Общества русского языка и словесности (ИОРЯС). Т. 13, кн. 4, 1908).

[14] См. Волков Н. В. Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI-XIV вв. и их указатель. «Памятники древней письменности и искусства». СПб., 1897. Т. 123, с. 23–24.

[15] См. Сапунов Б. В. Книга в России в XI-XIII вв. Л., 1978, с. 170.

[16] См. Семенов А. И. Лисицкий монастырь – пригородный центр новгородского книгописания. «Труды Отдела древнерусской литературы» (ТОДРЛ). 1969. Т.17, с.369.

[17] Иконников В. Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869, с. 83.

[18] Там же, с. 77.

[19] Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII -начала XV вв. М., 1980, с.42.

[20] См. Соболевский А. И. Южно-славянское влияние на русскую письменность в XIV-XV вв. СПб., 1894, с. 14.

[21] Вздорнов Г. И. Цит. соч., с. 43.

[22] Вздорнов Г. И. Роль славянских монастырских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV-XV вв. ТОДРЛ, № 23. Л., 1968, с.180–181.

[23] Житие Сергия Чудотворца и похвальное ему слово, написанное учеником его Епифанием Премудрым в XV веке. Сообщил архимандрит Леонид (Кавелин) в «Памятниках древней письменности». СПб., 1885, с. 5.

[24] Архангельский А. С. Творения отцов Церкви в древнерусской письменности. СПб., 1888, с.136–137. См. также Прохоров Г. М. Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе. ТОДРЛ, № 23, с. 103–104.

[25] Достоевский Ф. М. Собрание сочинений. Т. IX. М., 1958, с.310.

[26] Цит. по: Некрасов И. Пахомий Серб, писатель XV века. Одесса, 1871, с.54–55.

[27] См. Горский А. В. О сношениях Русской Церкви со святогорскими обителями до XVIII столе-

тия. «Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе». М., 1848, с.139–141.

[28] Розов Н. Н. Книга в Росии в XV веке. Л., 1981, с 18.

[29] См. Некрасов. Цит. соч., с. 2–3.

[30] Преподобного отца нашего Нила Сорского предание ученикам своим о жительстве скитском. М., 1849, с.150.

[31] Горский А. В. Цит. соч., с.139.

[32] № 152(515). Сборник духовно-нравственный, XVI в. Скоропись, разные почерки, 535 листов.

[33] Цит. по: Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской Духовной академии. Составил иеромонах Иосиф. М., 1882, с. 150.

[34] См. Св. Киприан, митрополит Киевский и всея России. /без автора/ «Прибавление к творениям святых отцов». М., 1848, с. 311–312.

[35] Вздорнов Г. И. Роль славянских мастерских... ТОДРЛ, № 23. Л., 1968, с. 174.

[36] См. Соболевский А. И. Южно-славянское влияние на русскую письменность в XIV-XV вв. СПб., 1894, с. 14–15.

[37] «Вестник Европы», 1813, часть 73, с. 125. Цит. по: Некрасов И. Пахомий Серб – писатель XV века. Одесса, 1871, с. 10–11.

[38] См. Ильинский Г. А. Значение Афона в истории славянской письменности. «Журнал Министерства народного просвещения» (ЖМНП), 1908, ноябрь, часть 18, с.15.

[39] См. Соболевский А. И. Цит. соч., с. 14.

[40] Материалы для биографии епископа Порфирия (Успенского). Т. II, СПб., 1910, с. 166. Письмо С.-Петербургскому митрополиту Антонию от 12 фев.1847 г.

[41] Цит. по: Державин А., прот. Четии-Минеи святителя Димитрия, митрополита Ростовского, как церковно-исторический и литературный памятник. «Богословские труды», № 15. М., с. 85.

[42] Соболевский А. И. Библиографические заметки. «Чтения в историческом обществе Нестора Летописца», XIV, 2, 1900, отд. V, с.14. В настоящее время рукопись находится в С.-Петербурге в Государственной Публичной библиотеке, в собрании Погодина, № 1105.

[43] Ангелов Б. С. Самуил Бакачич в южно-славянских литературах. «Труды Отдела древнерусской литературы», № 23. Л., 1968, с. 298.

[44] Цит. по: Горский А. В. О сношениях Русской Церкви со Святогорскими обителями до XVIII столетия. «Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе». М., 1848, с. 160–161.

[45] Там же, с. 161.

[46] Там же, с. 162–163.

[47] «Православный Палестинский сборник», вып. 61. СПб., 1914. Предисловие к публикации «Путешествие иеромонаха Ипполита Вишенского в Иерусалим, на Синай и Афон (1707–1709)». Под ред. С. П. Розанова, с. 44.

[48] Там же, с. 45.

[49] При определении последовательности изложения автор руководствовался ныне существующим диптихом афонских монастырей, за исключением русского Свято-Пантелеимоновского монастыря, которому уделено особое место.

[50] См. Rouillard G., Collomp P. Actes de Lavra, p. 52. Цит. по: Дуйчев И. Центры византийско-славянского общения и сотрудничества. Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ), № 19. М.-Л., 1967, с. 123.

[51] По другим данным – 1142 г. (См. Соловьев А. В. История русского монашества на Афоне. Белград, 1932. Отдельный оттиск из «Записок Русского научного института в Белграде», вып. 7, с. 142).

[52] Порфирий (Успенский), епископ. Восток христианский. Афон. Ч. III. СПб., 1892, с. 15.

[53] Мошин В. О периодизации русско-южнославянских литературных связей X-XV вв. ТОДРЛ, № 19, М.-Л., 1963, с. 62.

[54] Там же, с. 62.

[55] Сапунов Б. В. Книга в России в XI-XIII вв. Л., 1978, с. 170.

[56] Соловьев А. В. Цит. соч., с. 142.

[57] Порфирий (Успенский). Цит. соч., с. 15–16.

[58] К вопросу о притязаниях греков на русский афонский монастырь святого Пантелеимона. «Христианское чтение», 1874, октябрь, с. 90.

[59] Соловьев А. В. Цит. соч., с. 143.

[60] Там же.

[61] Там же, с. 147.

[62] Там же, с. 148.
[63] Там же, с.149.
[64] Цит. по: Ильинский Г. Грамоты болгарских царей. М., 1911, номер 3.
[65] См. Соловьев А. В. Цит. соч., с. 149.
[66] См. Флоринский Т. Памятники законодательной деятельности Душана, царя сербов и греков. Киев, 1888, с. 63.
[67] См. Соловьев А. В. Цит. соч., с. 149.
[68] См. «К вопросу о притязаниях...», «Христианское чтение», 1874, октябрь, с. 84.
[69] Там же, с. 85.
[70] В хризовуле 1348 г., в акте Протата 1363 г. См. Соловьев А. В. Цит. соч., с. 149.
[71] См. Леонид (Кавелин), архимандрит. О соединении под общим управлением болгарского Рыльского и русского Афонского монастырей. «Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете». 1869, июль-сентябрь, кн. 3.
[72] Там же, с. 5–6.
[73] См. Дылевский Н. М. Рыльский монастырь и Россия в XVI-XVII вв. София, 1974, с. 36–38.
[74] Леонид (Кавелин), архим. Цит. соч., с. 2.
[75] По поводу этой утраты архимандрит Леонид заметил, что хризовулов, «которые, по объяснению отцов Давида и Феофана, видены были ими некогда в Русском Афонском монастыре, ныне нет, так как большинство древних славянских актов этой обители утратилось во время оставления ее русскими иноками в прошлом (XVIII. – *Авт.*) столетии». Цит. соч., с. 4.
[76] Там же.
[77] Там же.
[78] Дылевский Н. М. Цит. соч., с. 40.
[79] См. Соловьев А. В. Цит. соч., с. 151.
[80] См. Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб., 1858, с. 69.
[81] См. «Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете» (ЧОИДР), 1846, год первый, номер 4, отд. V, с. 15–31.
[82] См. ЧОИДР, 1871, кн. 1, отд. II, с. 63–66.
[83] В кн.: Фонкич Б. Л. Греко-русские культурные связи в XV-XVII вв. М., 1977, с. 64–65.
[84] Цит. по: Фонкич Б. Л. Цит. соч., с. 58.
[85] См. Соловьев А. В. Цит. соч., с. 154.
[86] Там же.
[87] Цит. по: Каптерев Н. Русская благотворительность монастырям Святой Горы Афонской в XVI, XVII и XVIII столетиях. ЧОИДР, 1882, январь-апрель, ч. I, с. 113–114.
[88] Там же, с. 114.
[89] Пешеходца Василия Григоровича – Барского Плаки Албова, уроженца Киевского, монаха Антиохийского, путешествие к святым местам в Европе, Азии и Африке. СПб., 1778, с. 690.
[9] Там же, с. 696.
[91] Там же, с. 694.
[92] См. Соловьев А. В. Цит. соч., с. 155–156.
[93] Григорович В. И. Очерк путешествия по европейской Турции. М., 1877, с. 37.
[94] Донесения В. И. Григоровича об его путешествии по славянским землям. Казань, 1915, с. 249.
[95] См. Петровский Н. Путешествие В. И. Григоровича по славянским землям. ЖМНП, 1915, часть 59, октябрь, с. 250.
[96] Там же, с. 249.
[97] Краткая записка о путешествии магистра Казанского университета В. Григоровича. ЖМНП, 1847, часть 54, с. 28.
[98] Цит. по: Порфирий (Успенский), архим. Указатель актов, хранящихся в обителях Святой Горы Афонской. СПб., 1847, с. 2–3.
[99] Там же, с. 3.
[100] Там же, с. 3–4.
[101] Цит. по: Материалы для биографии епископа Порфирия (Успенского). Т. I. СПб., 1910, с. 726. Письмо графу А. П. Толстому от 4 окт. 1858 г.
[102] Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. VII. СПб. 1901, с. 372.
[103] Нынешний Руссик или Русский монастырь во имя святого великомученика и целителя Пантелеимона. Изд. 3-е. СПб., 1869, с. 13.
[104] Флоринский И. Афонские акты и фотографические снимки с них в собраниях П. И. Севастьянова. СПб., 1880, с. 61–62.
[105] Цит. по: Дестунис Г. С. О каталоге греческих афонских рукописей, составленном летом

1880 года. ЖМНП, ч. 213, с. 161.

[106] См. Муравьев А. Н. Афон Руссик. ТКДА, 1880, ноябрь, с. 440–441. (Сам Муравьев совершил путешествие на Афон в 1874 г. с целью умиротворения греков с русскими на Афоне, которое состоялось уже после смерти его. – *Авт.*).

[107] Смирнов Алексей. Две недели на Святой Горе. М., 1887, с. 14.

[108] Лопарев Х. М. Краткий отчет о поездке на Афон летом 1896 г. В: «Сообщения императорского православного Палестинского общества», 1897, февраль, с. 25.

[109] Кондаков Н. П. Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902, с. 19–20.

[110] Соколов И. Афонское монашество в его прошлом и современном состоянии. СПб., 1904, с. 72–73.

[111] Дмитриевский А. А. Библиотеки рукописей на Синае и Афоне под пером профессоров-палеографов В. Гардгаузена и С. Ламброса. «Труды Киевской Духовной Академии», 1869, номер 12, с. 48.

[112] Sydney Loch. The Holy Mountain. London, 1967, p. 108.

[113] Щапов Я. Н. Восточно-славянская рукописная книга за рубежом и проблемы научного описания. В сб.: «Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности». Л., 1981, с. 41.

[114] «Литературная газета», номер 43, 21 октября 1981 года.

[115] Последним дореволюционным исследователем афонских рукописей, опубликовавшим свои результаты работы на Святой Горе был, по-видимому, иеромонах Пантелеимон (Успенский). Он пробыл на Афоне с начала апреля до середины октября 1913 г. См. его научный отчет: «Из записок путешественника по Афону». «Богословский вестник», 1915, январь (*Прим. авт*).

[116] Kadas Sotiris. Mount Athos. Athens, 1979, p. 137.

[117] Серай, новый русский скит святого Андрея Первозванного на Афоне. СПб., 1858, с. 68.

[118] Никанор (Каменский), епископ Смоленский и Дорогобужский. Воспоминания о Святой Земле и Афоне. СПб., 1898, с. 52–53.

[119] Дмитриевский А. А. Цит. соч., с. 529.

[120] Там же, с. 526.

[121] Подробнее см.: Очерк биографии П. И. Севастьянова. «Современный летописный русский Вестник». 1867, номер 14.

[122] См. Викторов А. Собрание рукописей П. И. Севастьянова. М., 1881, с. 79–80.

[123] См. Снимки с икон и других древностей Святой Горы Афонской, из собрания П. И. Севастьянова. СПб., 1859 (каталог, без иллюстраций), с. 3.

[124] Флоринский Т. Афонские акты и фотографические снимки с них в собраниях П. И. Севастьянова. СПб., 1880.

[125] См. Викторов А. Собрание рукописей П. И. Севастьянова. М., 1881, с. 1 (примечание); с. 80.

[126] Флоринский Т. Цит. соч., с. 19.

[127] См. Отчет Московских Публичного и Румянцевского музеев за 1873–75 гг. М., 1877, с. 14.

[128] См. Викторов А. Цит. соч., с. 90–91.

[129] Лопарев Х. М. Цит. соч., с. 26.

[130] Отчет командированного за границу приват-доцента Московского университета Василия Истрина за вторую половину 1894 года. ЖМНП, 1896, ч. 305, с. 53.